

18+

Мэри Мэйп Додж

ТАНС ВРИНКЕР

ИЛИ СЕРЕБРЯНЫЕ КОНЬКИ

ПЕРЕВОД
АЛЕКСЕЯ КОЗЛОВА



Новый Перевод

Мэри Додж

**Ганс Бринкер, или Серебряные
коньки. Перевод Алексея Козлова**

«Издательские решения»

Додж М. М.

Ганс Бринкер, или Серебряные коньки. Перевод Алексея Козлова /
М. М. Додж — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-656653-8

Новый адаптированный перевод Алексея Козлова классической
викторианской повести американской писательницы Мэри Мэйп Додж «Ганс
Бринкер, или Серебряные Коньки». Очаровательный рассказ о маленьких
мальчиках, которых ведут по жизни Верность, Честность, Жажда Жизни и
Мечта.

ISBN 978-5-00-656653-8

© Додж М. М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Письмо из Голландии	7
Глава I	9
Глава II	12
Глава III	17
Глава IV	20
Глава V	24
Глава VI	28
Глава VII	31
Глава VIII	33
Глава IX	36
Глава X	41
Глава XI	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ганс Бринкер, или Серебряные коньки

Перевод Алексея Козлова

Мэри Мэйп Додж

Переводчик Алексей Борисович Козлов

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

© Мэри Мэйп Додж, 2025

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2025

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0065-6653-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Это небольшая повесть призвана объединить поучительные черты книги о путешествиях и приключениях с волшебством семейной Рождественской сказки. На всех её страницах с особой любовью и тщанием выписаны разные голландские ландшафты, местечки, обычаи и нравы. Многие из её эпизодов взяты прямо из жизни, и история Раффа Бринкера основана, не сомневайтесь, строго на фактах. Признавая свои обязательства перед многими известными авторами по голландской истории, литературе и искусству, я обращаюсь с особой благодарностью к тем добрым друзьям из Голландии, которые с великодушным рвением только ради меня не раз придирчиво всматривались в свою страну, чтобы и я смогла увидеть её такой, какой она была двадцать лет назад, когда дом Бринкеров был в тени неизвестности. Если это простая повесть поможет моим юным читателям составить правильное представление о Голландии и её богатствах, или представит правдивые картины жизни её трудолюбивых обитателей, и простой прелести их повседневной жизни, или освободит читателей от некоторых нынешних предрассудков в отношении этого благородного и предприимчивого народа, то моё главное желание при написании этой книги будет полностью удовлетворено. Если это заставит хотя бы одно сердце проникнуться более глубоким доверием к Божьей Благодати и любви или поможет кому-либо ладно сплести жизнь, в которой, несмотря на узлы и запутанности, золотая нить мечты никогда не потускнеет и не оборвётся, а молитва, которой она была начата и которой закончилась, будет услышана.

М.М.Д.

Письмо из Голландии Амстердам, 30 июля 1873 г.

ДОРОГИЕ МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ!

Если бы вы все могли быть сегодня здесь, со мной, как бы чудесно мы провели время, гуляя по этому прекрасному голландскому городу! Как бы мы смотрели на покосившиеся дома, стоящие своими высокими, чудными фронтонами к улице; на маленькие наклонные зеркала, прикрепленные снаружи к окнам; на деревянные башмаки и собачьи упряжки поблизости; на ветряные мельницы вдалеке; на огромные склады; на каналы, которые одновременно и улицы и реки, и на странное переплетение деревьев и мачт, виднеющееся во всех направлениях. Ах, это было бы действительно чудно! Но вот я сижу здесь, в великолепном отеле, и смотрю на всё это, прекрасно понимая, что даже дух голландцев, который, кажется, способен на всё, не сможет перенести вас в этот момент через грань настоящего в давно ушедший мир прошлого. Однако есть одно утешение, и оно заключается в том, что мы путешествуем по этим чудесным голландским городам без вас – было бы ужасно, если бы кто-нибудь из гостей свалился в каналы и утонул; и потом, эти неуклюжие голландские фургоны с тяжелыми колесами, отстоящими так далеко друг от друга... Что бы я стала делать, если бы несколько десятков из вас попали под них? И, возможно, один из самых необузданных и вредных моих мальчиков наверняка причинил бы вред аисту, и тогда вся Голландия стеной встала бы против нас! Нет. Так лучше. С течением лет вы будете приходить сюда один за другим, чтобы увидеть всё своими глазами.

Голландия сегодня так же прекрасна, как и тогда, более двадцати лет назад, когда Ганс и Гретель катались на коньках по замерзшей реке. На самом деле, она стала ещё чудеснее, потому что с каждым днём становится все удивительнее, что её не смыло морем. Её города выросли, и некоторые из её особенностей были стерты торговлей с другими нациями; но это всё ещё та же Голландия, и она всегда будет такой – полной странностей, мужества и трудолюбия – самой отважной маленькой страной на земле. Я не буду рассказывать вам в этом письме о её обычаях, городах, дворцах, церквях, картинных галереях и музеях, поскольку они описаны в этой истории, скажу только, что они всё ещё здесь, в этом прекрасном 1873 году, потому что я видела их почти все в течение своей жизни, то есть целую неделю.

Сегодня мы с американским мальчиком, увидев, как несколько детей заходят в старый дом в деловой части Амстердама, последовали за ними – и что, вы думаете, мы обнаружили? Пожилая женщина, которая в разгар лета продаёт горячую воду и дрова для камина! Она зарабатывает этим на жизнь. Целый день она сидит, разводя огромные торфяные костры и наполняя водой блестящие медные сосуды, стоящие над ней Дети, которые приходят и уходят, уносят с собой в необычном каменном ведёрке чайник с кипящей водой и горящие куски торфа. За это они дают ей голландский цент, который стоит меньше половины нашего. Таким образом, те, кто не может позволить себе поддерживать огонь в камине в жаркую погоду, могут выпить чашечку чая или кофе с кусочком отварной рыбы и картофеля. Расставшись со старой пожарницей, которая приветливо кивнула нам на прощание и охотно сунула наши стиверы в свой большой наружный карман, мы поехали по улицам, наслаждаясь необычными картинами дня общей стирки.

Да, в некоторых кварталах города, вдали от каналов, улицы были оживлены, прачки усердно работали. Сотни женщин в неуклюжих деревянных башмаках, в подоткнутых юбках, с обнаженными руками и в плотно облегающих головных уборах склонялись над высокими деревянными бадьями, доходившими им до пояса, – сплетничали и наушничали, разбегая-

лись и сплетничались – с совершенным безразличием к прохожим, на людной улице, и все мылись холодной водой. воду вместо того, чтобы использовать горячую, как это делаем мы. Как было бы здорово для нашей старой кочегарки, если бы кипячение воды вдруг вошло в моду в эти дни общественного мытья! А теперь до свидания. О! Я должна сказать вам ещё кое-что. Сегодня в амстердамском книжном магазине мы нашли историю Вилсона Бринкера, рассказанную на голландском языке. Это необычная на вид книга, красиво напечатанная, с цветными картинками, но наполненная такими поразительными, проникновенными словами, что мне действительно стало жаль маленьких голландцев, которым предстоит её прочесть. Ещё раз прощайте, как трогательно выразился наш переводчик с голландского, с которым, я уверена, вы от всего сердца согласитесь: «Я хочу, чтобы моя земля была девственной и чистой», «была нетронутым царством дикой природы», где бы мы жили, а не бродили по земле неприкаянными скитальцами, и где мы будем жить, и где мы будем счастливы».

С любовью!

Всегда ваш. Автор.

Глава I

Ганс и Гретель

Когда-то давным-давно, ясным декабрьским утром, двое бедно одетых детей стояли на коленях на берегу замерзшего канала в Голландии.

Солнце ещё не взошло, но серое небо у горизонта уже раздвинулось, и его края окрасились в багровый цвет наступающего дня. Большинство добрых голландцев наслаждались безмятежным утренним сном. Даже Минхеер фон Стоппельнозе, этот достойнейший из достойных, старый голландец, всё ещё дремал, окутанный сладостными утренними грёзами.

Время от времени какая-нибудь крестьянка, придерживая на голове туго набитую корзину, скользила по зеркальной глади канала; или крепкий мальчишка, направлявшийся на работу в город, пролетая мимо, бросал добродушную гримасу в сторону дрожащей от холода парочки,

Тем временем, энергично пыхтя и дергая за шнурки, брат и сестра, а таковыми они, по – видимости, и были, что-то крепили к своим ногам – конечно, не коньки, а неуклюжие деревянные, толстые полозья, зауженные и отполированные по нижнему краю и пронизанные дырочками по верхнему, сквозь которые были продеты шнурки из обычной сыромятной кожи.

Эти странные на вид коньки смастерил мальчик Ганс. Его мать была бедной крестьянкой, слишком бедной, чтобы даже подумать о покупке заводских коньков для своих малышей. Какими бы грубыми ни были эти коньки, они подарили детям много счастливых часов на льду. И теперь, когда наши молодые голландцы холодными, покрасневшими пальцами дергали за тесёмки, а их серьёзные лица склонялись к коленям, никакое зрелище желанных и одновременно невозможных железных полозьев не могло притупить сияющего внутреннего счастья.

Через мгновение мальчик встал и, важно взмахнув руками и небрежно бросил:

– Пойдем, Гретель!

И тут он оттолкнулся и легко заскользил по каналу.

– Ах, Ганс, – жалобно позвала его сестра, – с этой ногой у меня ещё не всё в порядке. В прошлый базарный день мне всё время было больно от веревок, и я натёрла ногу, и теперь у меня болит нога, когда я завязываю на одном и том же месте!

– Тогда завяжи их повыше! – ответил Ганс и, не глядя на неё, сделал на льду замечательный пируэт, который он назвал «кошачья колыбель».

– Как я могу? Веревка слишком короткая!

Издав добродушный голландский свист, который по-английски означал, что с девушками слишком много хлопот, он направился к ней.

– Глупо с твоей стороны носить такие туфли, Гретель, когда у тебя есть пара крепких кожаных туфель. Твои кломпены * {Деревянные башмаки.} были бы круче, чем эти!

– Почему, Ганс? Ты что, забыл? Отец бросил мои красивые новые туфли в огонь. Не успела я сообразить, что он сделал, как все они уже лежали, свернувшись калачиком, среди горящего торфа. С этими я могу кататься на коньках, а на деревянных – нет. Будь осторожен...

Ганс достал из кармана верёвку. Напевая какую-то мелодию, он опустился на колени рядом с ней и принялся застегивать коньки Гретель со всей силой своей сильной молодой руки.

– Ой! О! – воскликнула она с неподдельной болью.

Нетерпеливым движением Ганс размотал бечёвку. Он бы бросил её на землю, как подбает старшему брату, если бы только в этот момент не заметил слезинку, стекающую по щеке сестры.

– Я все исправлю, не бойся, – сказал он с неожиданной нежностью, – но мы должны поторопиться! Скоро нас позовёт мать. Она говорила, что мы скоро понадобится ей!

Затем он удивлённо огляделся по сторонам, сначала посмотрел на землю, затем на голые ветви ивы у себя над головой и, наконец, на небо, теперь такое великолепное, синее, с голубыми, малиновыми и золотыми прожилками. Не найдя ни в чём этом ничего, что могло бы зацепить его глаз, он увидел нечто, от чего его взгляд внезапно просветлел, и с видом человека, прекрасно осведомлённого, что он делает, он снял свою кепку и, оторвав рваную подкладку, аккуратно приладил ее поверх изношенного ботинка Гретель.

– Ну, теперь, – торжествуя воскликнул он, одновременно перебирая завязки так проворно, как только позволяли его онемевшие пальцы, – ты можешь немного оттянуться?

Гретель поджала губы, словно хотела сказать: «Боль прошла», но ничего не ответила. В следующее мгновение они уже все вместе смеялись, и, держась за руки, летели вдоль канала, не задумываясь о том, выдержит ли лёд или нет, потому что в Голландии лёд, как известно, держится всю зиму. Он лежит на воде, и как ни странно, и вместо того, чтобы становиться тоньше и слабее, каждый раз, когда Солнце немного припекает его ближе к полудню, он день ото дня набирает силу и бросает вызов каждому солнечному лучу. Вскоре раздался хруст! Что это? Вдруг внизу захрустело! Что-то мгновенно раздалось под ногами Ганса. Затем его шаги стали короче, сменились быстрыми рывками, и, наконец, он растянулся на льду, рубя воздух победными взмахами рук.

– Ха! ха! – рассмеялась Гретель, – Отлично порхаешь, мальчик!

Под её грубой синей курткой билось нежное, любящее сердце, и, смеясь, она грациозным движением приблизилась к своему распростёртому брату.

– Ты ранен, Вилсон? О, ты смеешься! Поймай меня сейчас же!

И она бросилась прочь, уже не дрожа, но с пылающими щёчками и искрящимися веселым глазами. Ганс вскочил на ноги и бросился в погоню, но догнать Гретель было нелегко. Не успела она отъехать далеко, как ее коньки тоже закрипели. Полагая, что благоразумие – лучшая часть доблести, она внезапно повернулась и бросилась в объятия своего преследователя.

– Ха! ха! Я поймал тебя! – воскликнул Ганс.

– Ха! ха! Я поймала тебя! – возразила она, пытаясь высвободиться. В этот момент послышался звонкий, быстрый голос, зовущий: «Ганс! Гретель!»

– Это мама! – сказал Ганс, мгновенно посерьёзнев. К этому времени канал был уже полностью залит солнечным светом. Чистый утренний воздух был восхитительно свеж, и вокруг появилась целая куча конькобежцев. Как не хотелось идти домой! Как трудно было подчиниться зову с берега. Но Гретель и Ганс были хорошими детьми – даже не подумав поддаться искушению задержаться, они сняли коньки, оставив половину узлов завязанными. Вилсон, с его широкими квадратными плечами и густыми светлыми волосами, возвышался над своей голубоглазой младшей сестрой, когда они брели домой. Ему было пятнадцать лет, а Гретель – всего двенадцать. Это был крепкий, добродушный на вид мальчик с честными глазами и челом, который, казалось, нес на себе печать самой доброты, подобно тому как маленький голландский *zomerhuis* * (Летний домик) украшает девиз на своем портале. Гретель была гибкой и проворной; в её глазах плясал огонек, и, когда вы смотрели на её щеки, румянец то бледнел, то становился гуще, как бывает на клумбе из розовых и белых цветов, когда дует северный ветер. Как только дети отвернули от канала, они увидели родительский дом. Высокая фигура их матери, одетой в жакет, длинную нижнюю юбку и плотно облегающий чепец, стояла, словно картина, в покосившейся раме дверного проема. Даже если бы дом находился в миле от нас, он все равно казался бы близким. В этой равнинной местности каждый предмет отчетливо виден на расстоянии; куры видны так же отчетливо, как и ветряные мельницы, и всё вокруг. Действительно, если бы не дамбы и высокие берега каналов, можно было бы стоять почти в любом месте сре-

динной Голландии, не видя ни холма ни пригорка или горушки. Ни у кого не было причин знать лучше природу этих самых дамб, чем у госпожи Бринкер и запыхавшихся подростков, которые сейчас бежали на её зов. Но прежде чем объяснить, ПОЧЕМУ, позвольте мне попросить вас совершить со мной путешествие в кресле-качалке в ту далекую страну, где вы, возможно, впервые в жизни увидите некоторые любопытные вещи, которые Ганс и Гретель видели здесь каждый божий день.

Глава II

Голландия

Голландия – одна из самых необычных стран на свете. Её следует называть Странной Страной или Страной Контрастов, поскольку она почти во всём отличается от других частей света. Во-первых, значительная часть страны расположена ниже уровня моря. И как это стало возможно? Огромные дамбы, похожие на бастионы, за века были возведены с большими затратами денег и труда, пытаясь удержать океан там, где ему положено быть. На некоторых участках побережья океан иногда всем своим телом прижимается к суше, и бедная страна делает все, что в её силах, чтобы противостоять этому дикому напору. Иногда дамбы прорываются или дают течь, и это приводит к самым плачевным последствиям. Эти дамбы всегда очень высокие и широкие, а вершины некоторых из них покрыты домами и даже деревьями. На них иной раз проложены прекрасные дороги общего пользования, с которых конные всадники всегда могут любоваться придорожными коттеджами. Часто кили огромных кораблей высются над крышами жилых домов. Аист, который стучит крыльями по краям гнезда, прикрывая своим птенцов на крыше дома, может чувствовать, что его гнездо поднято высоко-высоко над любой опасностью, но лягушка, квакающие в соседних камышах, ближе к звёздам, чем он. Водяные жуки снуют взад и вперёд над головами ласточек, а ивы, кажется, поникли от стыда, потому что не могут дотянуться до ближайших тростников. Повсюду можно увидеть канавы, каналы, пруды, реки, болота и озёра. Высокие, но никогда не пересыхающие, они блестят на Солнце, как расплавленное серебро, став магнитом всей этой городской суеверности и деловой активности, совершенно не обращая внимания на унылые поля, раскинувшиеся рядом с ними. Возникает соблазн спросить: «Что такое Голландия – это суша или вода?» Та самая зелень, которая должна была произрастать только на суше, совершила ошибку и поселилась в рыбных прудах. На самом деле вся страна – это своего рода пропитанная влагой губка, или, как выразился английский поэт Батлер, «земля, стоящая на якоре и пришвартованная к берегу, где люди не живут, а вечно поднимаются на борт корабля». Люди рождаются, живут и умирают и даже разводят свои сады на лодках вдоль каналов. Фермерские дома с крышами, похожими на большие шляпы с надвинутыми на глаза полями, стоят на деревянных ногах, подобрав их с таким видом, словно хотят сказать: «Мы намерены оставаться сухими, если сможем, конечно». Даже лошади надевают на каждое копыто широкую подставку, как бы приподнимающую их над трясиной. Короче говоря, окружающий пейзаж наводит на мысль об истинном рае для уток. Летом это великолепная страна для босоногих девочек и мальчиков. Как приятно бродить по воде! Как это похоже на плавание на корабле! Как приятно грести, ловить рыбу и купаться в заливе! Только представьте себе цепочку луж, по которым можно целый день запускать кораблики с белыми парусами и никогда не возвращаться домой! Но хватит. После такой рекламы вся молодая Америка ринулась бы в Зюйд-Зее!

Голландские города на первый взгляд кажутся удивительными джунглями из домов, мостов, церквей и кораблей, которые вырастают лесом мачт, шпилей из рощ разросшихся деревьев. В некоторых городах суда привязывают, как лошадей, к дверным косякам своих домовладений, а груз спускают из окон верхнего этажа. Матери кричат Лодевику и Касси, чтобы они не качались на садовой калитке, опасаясь, что они могут утонуть! Водные пути встречаются там чаще, чем обычные автомобильные и железные дороги; водные изгороди в виде ленивых зеленых канав огораживают прогулочные площадки, фермы и сады. Иногда попадаются красивые зелёные изгороди, но деревянные заборы, подобные тем, что есть у нас в Америке, встречаются в Голландии довольно редко. Что касается каменных заборов, то голландец только руками развел бы от удивления при одной мысли об этом. Там нет камня, за исключением тех

огромных глыб, которые были привезены из других стран для укрепления и защиты побережья. Все мелкие камни или галька, если они когда-либо здесь были, кажутся замурованными в мостовых или полностью расплавленными. Мальчики с сильными, ловкими руками могут вырасти из пелёнок и отрастить бороду, так и не обнаружив камешка, чтобы пускать голыши или запустить или в пробегающего кролика.

Водные дороги – это не что иное, как каналы, пересекающие страну во всех направлениях. Они бывают самых разных размеров, от большого корабельного канала Северной Голландии, который является истинным чудом света, до тех, которые может перепрыгнуть младенец. Водные омнибусы, называемые *trekschuiten*, * {Лодки для канала. Некоторые из первых названных каналов имеют длину более тридцати футов. Они похожи на зелёные домики, поставленные на баржи, и запряжены лошадьми, которые прогуливаются по берегу канала. Вагоны первого и второго класса разделены на два отсека, и, когда они не слишком переполнены, пассажиры чувствуют себя в них как дома: мужчины курят, женщины вяжут или шьют, а дети играют на небольшой внешней палубе. Многие лодки, плавающие по каналу, имеют белые, жёлтые или паруса шоколадного цвета. Этот последний цвет достигается благодаря морилке, которая наносится для их сохранения.} по этим дорогам постоянно курсируют экипажи с пассажирами, а водные подводы, называемые *пакшуйтен*, используются для перевозки топлива и товаров. Вместо зелёных проселочных дорог от поля к амбару и от амбара к саду тянутся зелёные каналы, затянутые ряской, а фермы, или *польдеры*, как их еще называют, – это просто огромные озёра, которые постоянно осушают. Некоторые из самых оживленных улиц заполнены водой, в то время как многие просёлочные дороги вымощены жёлтым кирпичом. Городские лодки с закругленной кормой, позолоченными носами и ярко раскрашенными бортами не похожи ни на какие другие, они сверкают под Солнцем, а голландский фургон с его забавным маленьким изогнутым шестом – настоящая загадка из загадок.

«Ясно одно, – восклицает мастер Брайтсайд, – обитателям здесь никогда не грозит умереть от жажды». Но нет, Олденд по-прежнему верен себе. Несмотря на то, что море стремится прорваться внутрь, озёра пытаются выйти из берегов, а каналы, реки и канавы переполнены, во многих районах нет воды, которую можно было бы пить; наши бедные голландцы вынуждены либо обходиться сухим пайком, либо пить вино и пиво, либо отправляться далеко в глубь страны, в Утрехт и другие любимые места за этой драгоценную жидкостью, которая старше Адама, но моложе утренней росы. Иногда, правда, жители могут проглотить добычу ливня, если у них появляется возможность его поймать, но в целом они похожи на моряков, преследуемых альбатросами, из знаменитого стихотворения Кольриджа «Древний мореплаватель». Им везде мерещится вода, вода, вода, которую не выпьешь ни капли!

Из-за огромных ветряных мельниц, раскиданных по всей стране, кажется, что на них вот-вот опустятся стаи огромных морских птиц. Повсюду можно увидеть забавные деревья, подстриженные самым причудливым образом, со стволами, выкрашенными в ослепительно белый, желтый или красный цвета. Лошадей часто запрягают в тройку. Мужчины, женщины и дети ходят, гремя деревянными башмаками с расшатанными каблуками. Крестьянские девушки, которые не могут добиться любви от кавалеров, нанимают их за деньги, чтобы те сопровождали их на ярмарку. А мужья и жены с любовью впрягаются бок о бок на берегу канала и тащат свои повозки на рынок по воде. Ещё одной особенностью Голландии являются дюны, или песчаные холмы. Их много на некоторых участках побережья. До того, как их засеяли жесткой тростниковой травой и другими растениями, чтобы удержать и песок в узде, на сушу обрушивались сильные песчаные бури. Итак, в довершение всего, фермеры иногда роют землю, чтобы найти свою засыпанную почву, и в ветреные дни сухие дожди из песка часто обрушиваются на поля, которые стали влажными за неделю солнечного сияния. Короче говоря, почти единственное, что узнаваемо нам, янки, в Голландии, – это песня о сборе урожая, которая там довольно популярна, хотя ни один лингвист не смог бы её перевести на человеческий язык.

Даже тогда мы должны закрыть глаза и слушать только мелодию, которую я предоставляю вам самим вообразить.

«Дерни Диди дудела вниз
Диди дудел на лужайке;
Ковенус, мортинус, доминус в шайке!
Янки вон вивер, воувер, воун,
Ботермелк и Таунтер!
Клопсер ди блон!»

С другой стороны, многие странности Голландии являются лишь свидетельством и одновременно доказательством бережливости и упорства её народа. Во всём мире нет более богатого и тщательно ухоженного сада, чем в этой маленькой стране с проточной водой и весенним, влажным климатом. Нет более храброй и героической расы, чем её спокойные, как будто слегка сонные обитатели. Лишь немногие нации сравнялись с ней в важных открытиях и изобретениях; ни одна из наций не превзошла Голландию в торговле, мореплавании, обучении и науке и не стала достойным примером в развитии образования и общественной благотворительности; и ни один из них, пропорционально его масштабам, не затратил больше денег или рабочей силы на общественные работы.

Голландия имеет свою яркую летопись благородных и прославленных мужчин и женщин; свои великие исторические свидетельства терпения, сопротивления и побед; свою религиозную свободу; свою просвещённую предприимчивость; своё дивное искусство, музыку и литературу. Её всамом деле называют «полем битвы Европы»; ностоль же справедливо мы можем называть её убежищем всего мира, ибо угнетенные люди всех наций нашли там приют и поддержку. Если мы, американцы, которые, в конце концов, являются гомеопатическими припарками голландского производства, можем смеяться над голландцами, называть их людьми-бобрами и намекать, что их страна может уйти на дно в любой момент во время прилива, мы также можем гордиться и говорить, что они проявили себя героями и что их страна не уйдет на дно пока ещё остался хоть один живой голландец, который один может справиться с этим.

Говорят, что в Голландии насчитывается по меньшей мере девятьсот девяносто больших ветряных мельниц с крыльями длиной от восьмидесяти до ста двадцати футов. Они заняты распиловкой древесины, обмолотом конопли, помолом зерна и многими другими видами работ; но их основное назначение – перекачивать воду из низин в каналы и охранять сушу от внутренних паводков, которые так часто затопляют страну. Говорят, что ежегодная стоимость этих работ составляет около десяти миллионов долларов. Крупные из этих мельниц обладают огромной мощностью. Высоченная круглая башня, иногда возвышающаяся посреди фабричных зданий, часто увенчана башней поменьше, сужающейся к верхушке, похожей на колпак. Эта верхняя башня у основания опоясана балконом, высоко над которым выступает ось, поворачиваемая четырьмя огромными лестничными крыльями-парусами.

Многие ветряные мельницы весьма примитивны и, к сожалению, нуждаются в «усовершенствованиях», которые давно выдумали янки, но некоторые из новых достойны восхищения. Они сконструированы таким образом, что с помощью какого-то хитроумного приспособления подставляют свои веера, или крылья, ветру точно в нужном направлении, чтобы работать с необходимой мощностью. Другими словами, мельник может вздремнуть и быть совершенно уверен, что его мельница будет ловить ветер и использовать его по максимуму, пока он не проснётся в полную силу. При малейшем дуновении воздуха все паруса расправляются, чтобы уловить малейшее дуновение ветра, но если последует сильный удар, они тут же сморщатся от его прикосновения, как большие листья мимозы, и у ветра будет только половина шанса сдвинуть их с места. В одной из старых тюрем Амстердама, называемой «Распахус» из-

за того, что заключенные там воры и бродяги занимались там строганием бревен, была камера для наказания ленивых заключенных.

В одном углу этой камеры находился насос, а в другом – отверстие, через которое поступал постоянный поток воды. Заключённый мог выбирать: либо стоять на месте и утонуть, либо работать не покладая рук у насоса и сдерживать наводнение до тех пор, пока тюремщик не решит сменить его. Теперь мне кажется, что по всей Голландии природа широко распространила это маленькое, невинное развлечение. Голландцы всегда были вынуждены добывать нефть ради самого своего существования и, вероятно, должны продолжать это делать до окончания веков. Каждый год миллионы долларов тратятся на ремонт дамб и регулирование уровня воды. Если бы этими важными обязанностями пренебрегали, страна стала бы полностью непригодной для жизни. Как я уже говорила, прорыв этих дамб уже приводил к ужасным последствиям. Сотни деревень и городов время от времени оказывались погребенными под потоками воды, и около миллиона человек утонули. Одно из самых страшных наводнений, когда-либо известных, произошло осенью 1570 года. До этого на территории Голландии произошло двадцать восемь ужасных наводнений, но это было самым страшным из всех. Несчастливая страна долгое время страдала от испанской тирании; теперь, казалось, её беды достигли апогея.

Когда мы читаем «Историю становления Голландской Республики» Мотли, мы учимся уважать храбрых людей, которые терпели, страдали и отваживались на многое. Мистер Мотли в своем захватывающем рассказе о великом наводнении рассказывает нам, как продолжительный и жестокий шторм гнал воды Атлантики в Северное море, обрушивая их на побережья голландских провинций; как плотины, перегруженные сверх всякой меры, прорвались во всех направлениях; как даже вода в море бесновалась. Хенд-бос, бастион из дубовых свай, укрепленных железом, пришвартованный тяжелыми якорями и укрепленный гравием и гранитом, был разорван на куски, как нитка; и рыбацкие лодки и громоздкие суда, заплывшие в глубь страны, запутывались в деревьях или бились о крыши и стены жилых домов, и как, наконец, вся Фрисландия превратилась в бушующее море.

«Множество мужчин, женщин, детей, лошадей, быков, овец и всякой домашней живности боролось с волнами и плыли во всех направлениях. Люди жадно хватались за каждую лодку и каждый предмет, который мог послужить спасительной щепкой. Все дома были затоплены, даже кладбища изрыгнули своих мертвецов. Живой младенец в колыбели и давно похороненный труп в гробу плавали бок о бок. Казалось, что древний потоп вот-вот возобновится. Повсюду, на верхушках деревьев, на колокольнях церквей, толпились люди, моля Бога о милосердии и своих ближних о помощи. Когда шторм, наконец, пошёл на убыль, во все стороны начали курсировать лодки, спасая тех, кто боролся в воде, снимая беглецов с крыш и верхушек деревьев и подбирая тела тех, кто уже утонул».

За несколько часов этого невиданного бедствия погибло не менее ста тысяч человек. Тысячи и тысячи бессловесных существ лежали мёртвыми в воде, а материальный ущерб не поддавался подсчету. Роблес, испанский губернатор, был первым в благородных усилиях по спасению жизней и уменьшению ужасов катастрофы. Ранее голландцы ненавидели его за испанскую или португальскую кровь, но своей добротой и активностью в час бедствия он завоевал всеобщую благодарность и любовь. Вскоре он внедрил усовершенствованный метод строительства дамб и издал закон, согласно которому в будущем они должны содержаться в надлежащем состоянии владельцами земли. С тех пор сильных наводнений стало меньше, хотя менее чем за триста лет на землю обрушилось шесть страшных наводнений. Весной всегда существует большая опасность разлива рек, особенно во время оттепели, потому что реки, скованные глыбами льда, выходят из берегов прежде, чем успевают сбросить свои быстро поднимающиеся воды в океан. Учитывая, что море бушует и давит на дамбы, неудивительно, что Голландия часто находится в состоянии тревоги. Здесь уделяется самое пристальное внимание предотвращению несчастных случаев. Инженеры и рабочие постоянно находятся в опасных

местах, и за ними ведётся тщательное наблюдение днём и ночью. Когда подается общий сигнал об опасности, все жители спешат на помощь, стремясь объединиться против общего врага. Как и везде, солома считается самой доступной вещью, и, конечно же, в Голландии её необходимо использовать как опору против стремительного течения. Огромные соломенные циновки прижаты к набережным, укреплены глиной и тяжелыми камнями, и, как только они выровнены, океан тщетно набрасывается на них.

Рафф Бринкер, отец Гретель и Ганса, уже много лет работал на плотинах. Именно во время грозившего затопления, когда в разгар ужасного шторма, в темноте и под дождем с мокрым снегом рабочие работали на слабом месте возле шлюза Вирмик, он упал со строительных лесов и потерял сознание. С того часа он больше никогда не работал; хотя он продолжал жить, разум и память покинули его. Гретель помнила его только как странного молчаливого человека, который рассеянно провожал её взглядом, куда бы она ни повернулась, но у Ганса сохранились воспоминания о добром отце с весёлым смехом, который никогда не уставал носить его на плече, чья беззаботная песня, казалось, всё еще продолжала звучать где-то рядом, когда он лежал ночью без сна и вспоминал, прислушавшись к ночному мраку.

Глава III

Серебряные коньки

Тётушка Бринкер зарабатывала на жизнь выращиванием овощей, прядением и вязанием, и всёэто для того, чтобы прокормить свою семью. Когда-то она работала на борту барж, курсировавших вверх и вниз по каналу, и иногда вместе с другими женщинами впрягалась в буксирный трос пакшуйта, курсировавшего между Бруком и Амстердамом. Но когда Вилсон окреп и вырос большим, он настоял на том, чтобы выполнять всю эту тяжелую работу вместо неё. Кроме того, в последнее время её муж стал таким беспомощным, что нуждался в её постоянном уходе. Хотя ум его теперь был как у маленького ребёнка, у него были сильные руки и очень доброе сердце, и тётушке Бринкер иногда было очень трудно проконтролировать его.

«Ах! Детки, он был таким добрым и уравновешенным, – иногда говорила она, – и мудрым, как пророк. Даже бургомистр порой останавливался, чтобы задать ему вопрос, а теперь, увы! он не узнает свою жену и малышей. Ты ведь помнишь отца, Ганса, когда он был самым собой – великим храбрецом, не так ли?»

«Да, действительно, мама, он знал всёна свете и мог делать все, что угодно, – а как он пел! Ты же смеялась и говорила, что этого было достаточно, чтобы заставить ветряные мельницы танцевать!»

«Я так и делала. Благослови меня Господь! Как у мальчика память! Гретель, детка, быстро возьми у своего отца вязальную спицу, она может угодить ему в глаза, и надень на неё ботинок. Его бедные ноги все время как ледышки, но я не могу их прикрыть, всё, что я могу сделать...»

И тогда, наполовину причитая, наполовину напевая, тетюшка Бринкер садилась, и низкий коттедж наполнялся стуком её прялки. Почти всю работу на открытом воздухе, а также по дому выполняли Ганс и Гретель. В определенное время года дети изо дня в день отправлялись собирать торф, который они складывали в квадратные, похожие на кирпичи, штабеля для топлива. В другое время, когда позволяла домашняя работа, Ганс катался на буксирных лошадях по каналам, зарабатывая несколько стиверов* (Из наших денег один стивер стоит около двух центов.) целый день, и Гретель пасла гусей на лугах соседних фермеров. Ганс был искусен в резьбе по дереву, и оба они с Гретель были хорошими садовниками. Гретель умела петь, шить и бегать на огромных самодельных ходулях лучше, чем любая другая девочка на много миль вокруг. Она могла выучить балладу за пять минут знала название любого растения или цветка, который взрастал в округе; но она боялась книг, и часто от одного вида доски для рисования в старом школьном здании у нее слипались глаза. Вилсон, напротив, был медлителен и уравновешен. Чем сложнее была задача, будь то учеба или повседневный труд, тем больше она ему нравилась. Мальчишки, которые насмехались над ним вне школы из-за его залатанной одежды и узких кожаных штанов, были вынуждены уступить ему почётное место почти в каждом классе. Прошло совсем немного времени, и он стал единственным подростком в школе, который хотя бы раз не побывал в углу «мучений», где висел страшный хлыст, а над ним надпись: «Осторожно, осторожно! Ты лентяй, из „дит энд тоу зал йе лирен“!» * { Учись! учись! Ты лентяй, и конец этой веревки научит тебя. } Только зимой Гретель и Ганс могли позволить себе посещать школу, и весь последний месяц года их держали дома, потому что их мать нуждалась в их помощи – печь хлеб, содержать дом в чистоте, вязать чулки и другие вещи и продавать их на рынке.

В то холодное декабрьское утро, когда они усердно помогали своей матери, весёлая компания девочек и мальчиков проплыла вниз по каналу. Среди них были прекрасные фигуристы, и когда мимо мелькало пестрое разнообразие костюмов, издали казалось, что лед внезапно растаял и по течению плывет какая-то весёлая клумба с тюльпанами. Там была дочь богатого

бургомистра Хильда ван Глек в дорогих мехах и просторной бархатной тоге, а рядом – хорошенькая крестьянка Энни Боуман, нарядно одетая в грубую алую кофту и синюю юбку, достаточно короткую, чтобы выгодно подчеркнуть серые домотканые чулки. Затем тут засветилась гордая Ричи Корбес, чей отец, Минхеер ван Корбес, был одним из видных людей Амстердама; а вокруг неё тесным кольцом вились Карл Шуммель, Питер и Людвиг ван Хольпы, Якоб Пут и совсем маленький мальчик, радовавшийся громкому имени Воостенвальберт Шиммелпеннинк. В компании было еще около двадцати мальчиков и девочек, и все они, казалось, были полны энергии и веселья. Они катались вверх и вниз по каналу на протяжении полумили, максимально напрягая свои способности завзятых гонщиков. Часто можно было видеть, как самые проворные из них уворачивались от самого носа какого-нибудь напыщенного законодателя или доктора, которые, скрестив руки на груди, неторопливо катались к городу; или цепочка девушек внезапно распадалась при приближении толстого старого бургомистра, который, подняв трость с золотым набалдашником, пыхтя, направлялся в Амстердам.

Одетый в замечательные коньки с великолепными ремешками и ослепительными полозьями, загибающимися на подъеме и украшенными позолоченными шариками, он слегка приоткрывал свои пухлые глазки, если кто-нибудь из девушек делал ему реверанс, но не осмеливался поклониться в ответ, опасаясь потерять равновесие. На канале были не только искатели развлечений, но и знатные люди. Здесь были рабочие с усталыми глазами, спешащие в свои лавки и на фабрики, рыночные торговки с поклажей на голове, корабейники, сгибающиеся под тяжестью своих тюков, лодочники с растрёпанными волосами и осунувшимися лицами, грубо толкающиеся на своем пути, священники с добрыми глазами, спешащие, возможно, к постели умирающего, в то время как группы детей с ранцами, перекинутыми через плечи, пронеслись мимо, направляясь к далёкой школе. Все до единого были на коньках, за исключением закутанного фермера, чья странная повозка тряслась по берегу канала.

Вскоре наши весёлые мальчики и девочки почти потерялись в суматохе ярких красок, непрерывном движении и сверкании коньков, отражающих солнечные лучи. Мы бы так и не узнали о них больше, если бы вся компания внезапно не остановилась и, расступившись перед прохожими, все разом не заговорили с хорошенькой маленькой девушкой, которую они выдернули из потока людей, направляющихся в город.

– О, Катринка! – воскликнули они в один голос. – Ты слышала? У нас гонки – мы хотим, чтобы ты присоединилась в нам!

– Какие гонки? – смеясь, спросила Катринка, – Пожалуйста, не говорите все сразу, я не могу ничего понять!

Все тяжело дышали и вдруг посмотрели на Ричи Корбес, которая была их признанным заводилой.

– Ну что ж, – сказала Ричи, – двадцатого числа, в день рождения Мевроу ван Глек, у нас состоится грандиозный конькобежный матч. Это все работа Хильды. Лучшей фигуристке будет вручен великолепный приз!

– Да, – подхватило с полдюжины голосов, – прекрасная пара серебряных коньков, просто великолепных, с... о! какие ремешки, серебряные колокольчики и пряжки!

– Кто сказал, что на них есть колокольчики? – подал тоненький голос мальчик с громким именем.

– Я так говорю, мастер Воост! – ответила Ричи, – Значит, так и есть!

– Нет, я уверен, что ничего подобного!

– О, как ты осмелился так говорить?

– Они ещё со стрелами!

– И Минхеер ван Корбес сказал моей маме, что у них есть колокольчики», – раздалось из взволнованной группы, но Минхеер Воостенвальберт Шиммелпеннинк попытался возразить, пытаясь уладить этот вопрос решительным заявлением:

– Ну, никто из вас ничего об этом не знает; на них нет никаких признаков колокольчиков, они...

– Ой! О! – и снова раздался хор противоречивых мнений.

– У пары для девочек должны быть колокольчики! – тихо вмешалась Хильда, – но для мальчиков должна быть еще одна пара, с выгравированными стрелками по бокам.

– Вот! Я же вам говорил! – воскликнули почти все подростки в один голос. Катринка смотрела на них с недоумением в глазах.

– Кто будет участвовать? – спросила она.

– Все мы! – ответила Ричи, – Это будет так весело! И ты тоже должна придти, Катринка. Но сейчас пора в школу, мы обсудим все это в полдень. О, ты, конечно, присоединишься?

Катринка, не отвечая, сделала грациозный пируэт и, кокетливо рассмеявшись, добавила:

– Разве ты не слышишь последнего звонка? Поймай меня! – и бросилась к зданию школы, стоявшему в полумиле от неё на берегу канала. Все разом встрепенулись, услышав этот сигнал, но тщетно пытались поймать ясноглазое, смеющееся создание, которое, с золотистыми волосами, струящимися в солнечном свете, бросало в ответ множество сверкающих победных взглядов, когда летело вперёд. Прекрасная Катринка! Пышущая молодостью и здоровьем, полная жизни, веселья и движения, что за чудо, что за чудо твой образ, вечно витающий впереди, он промелькнул в ту ночь в снах одного мальчика! Что удивительного в том, что, казалось, настал его самый мрачный час, когда годы спустя твоё присутствие покинуло его навсегда.

Глава IV

Ганс и Гретель находят друга

В полдень наши юные друзья вышли из школы, намереваясь часок потренироваться на канале. Они покатались на коньках всего несколько мгновений, когда Карл Шуммель насмешливо сказал Хильде:

А вот и хорошенькая парочка выходит на лёд! Маленькие оборванцы! Их коньки, должно быть, были подарены им самим королём!

– Они терпеливые малыши! – мягко сказала Хильда. – Должно быть, им было нелегко научиться кататься на таких странных коньках. Видите ли, они очень бедные крестьяне. Мальчик, наверное, сам смастерил коньки!

Карл был несколько смущён.

– Может, они и терпеливы, но что касается фигурного катания, то начинают они довольно неплохо, а заканчивают рывком. Я думаю, они могли бы неплохо двигаться под твое новое стаккато!

Хильда мило рассмеялась и ушла. Присоединившись к небольшой группе бегунов и проплыв мимо каждого из них, она остановилась рядом с Гретель, которая с интересом наблюдала за состязаниями.

– Как тебя зовут, малышка?

– Гретель, миледи, – ответила девочка, несколько испуганная статусом Хильды, хотя они были почти ровесниками, – а моего брата зовут Ганс.

– Ганс – крепкий парень! – весело сказала Хильда, – и, кажется, у него внутри тепло, как в печке, но ты выглядишь замерзшей. Тебе следует надеть побольше одежды, малышка.

Гретель, которой больше нечего было надеть, попыталась рассмеяться и ответила:

– Я не такая уж маленькая. Мне уже больше двенадцати лет!

– О, прошу прощения. Видишь ли, мне почти четырнадцать, и я такая крупная для своего возраста, что другие девочки кажутся мне маленькими, но это ничего. Возможно, ты еще вырастешь намного выше меня, но только если будешь одеваться потеплее. Дрожащие девочки никогда не вырастут!

Ганс покраснел, увидев, что на глаза Гретель навернулись слезы.

– Моя сестра не жаловалась на холод, но все говорят, что погода сегодня ужасная! Сказал он и печально посмотрел на Гретель.

– Ничего страшного! – сказала Гретель, – Мне часто бывает жарко, даже слишком жарко, когда я катаюсь на коньках. Вы молодчина, юффроу!

* {Мисс; юная леди (произносится юффроу). При заученном или вежливом обращении это было бы джонгвроу (произносится янгфроу).}

– Нет, нет, – ответила Хильда, злясь сама на себя за бестактность, – Я слишком беспечна, жестока, но я не хотела причинить тебе вреда! Я хотел спросить вас, я имею в виду, что... – И тут Хильда, перейдя к сути своего поручения, запнулась перед бедно одетыми, но благородно выглядевшими детьми, которым она хотела помочь.

– В чем дело, юная леди? – нетерпеливо воскликнул Ганс.

– Если я могу чем-то помочь, любым...

– О, нет, нет, – рассмеялась Хильда, стряхивая с себя смущение.

– Я всего лишь хотела обсудить с вами эти грандиозные гонки. Почему вы не участвуете в них? Вы оба отлично катаетесь на коньках, и места в турнирной таблице бесплатные. Любой желающий может принять участие в розыгрыше приза.

Гретель задумчиво посмотрела на Ганса, который, поправив кепку, почтительно ответил: «Ах, Юфрау, даже если бы мы смогли принять участие, мы смогли бы сделать всего несколько шагов вместе с остальными. Видите, наши коньки из твёрдого дерева, – он показал на подошву, – но они быстро отсыревают, прилипают, и мы спотыкаемся.

Глаза Гретель весело заблестели, когда она вспомнила об утреннем происшествии с Гансом, но она покраснела и робко пробормотала:

– О, нет, мы не можем присоединиться, но, миледи, можно нам присутствовать в этот великий день и посмотреть на это?

– Конечно, – ответила Хильда, ласково глядя в два серьёзных лица и от всего сердца жалея, что потратила так много из своих месячных карманных денег на кружева и украшения. У нее было всего восемь квартье...

* {Квартье – это мелкая серебряная монета достоинством в четверть гульдена, или десять центов в американской валюте.} на оставшиеся деньги они могли купить только одну пару коньков, и то не больше. Со вздохом посмотрев на две пары ног, таких разных по размеру, она спросила:

– Кто из вас лучше катается на коньках?

– Гретель! – тут же ответил Ганс.»

– Ганс! – ответила Гретель на одном дыхании.

Хильда улыбнулась.

– Я не могу купить каждому из вас по паре коньков или даже по одной хорошей паре, но вот тут восемь квартье. Решите между собой, у кого больше шансов выиграть гонку, и купите коньки соответственно... ему. Жаль, что у меня нет денег, чтобы вы могли купить коньки получше. До свидания!

И, кивнув и улыбнувшись, Хильда, передав деньги возбужденному Гансу, быстро скользнула прочь, чтобы присоединиться к своим спутницам.

– Привет! Юфрау ван Глек! – громко позвал Ганс, ковыляя за ней изо всех сил, потому что у него развязалась веревочка на коньках. Хильда повернулась и, подняв руку, чтобы прикрыть глаза от Солнца, как ему показалось, поплыла по воздуху, все ближе и ближе.

– Мы не можем взять эти деньги, – задыхаясь, произнес Ганс, – хотя и знаем, как вы добры, что даете их.

– В самом деле, почему бы и нет? – покраснев, спросила Хильда.

– Потому что, – ответил Ганс, кланяясь, как клоун, но глядя на царственную девушку глазами принца, – мы этого не заслужили!

Хильда была сообразительна. Она заметила красивую деревянную цепочку на шее Гретель.

– Вырежи мне цепочку, Ганс, такую же, как у твоей сестры.

– Я сделаю это, леди, от всего сердца. Я сделаю это! У нас в доме есть белое дерево, тонкое, как слоновая кость; завтра вы получите такую же вещь!

И Вилсон поспешно попытался вернуть деньги.

– Нет, нет! – решительно сказала Хильда, – Эта сумма – ничтожная цена за цепочку! И она бросилась прочь, обогнав самого проворного из конькобежцев. Вилсон проводил её долгим недоумевающим взглядом; он чувствовал, что сопротивляться бесполезно.

– Это правильно! – пробормотал он, обращаясь то ли к самому себе, то ли к своей верной тени Гретель, – Я должен усердно трудиться каждую минуту и просиживать до полночи, если мать позволит мне зажечь свечу, но цепь будет закончена в срок! Мы можем оставить деньги себе, Гретель.

– Какая славная маленькая леди! – воскликнула Гретель, хлопая в ладоши от восторга, – Ой! Ганс, а ведь не зря аист прошлым летом поселился у нас на крыше? Помнишь, как мать сказала, что это принесёт нам удачу, и как она плакала, когда Янзун Кольп выстрелил в него?

Ведь она была уверена, что это принесёт ему неприятности. Но удача наконец-то пришла к нам! А теперь, Ганс, если мама завтра отправит нас в город, ты сможешь купить коньки на рынке!

Ганс покачал головой.

– Молодая леди дала бы нам денег на покупку коньков, но если я их заработаю, Гретель, то потрачу их на шерсть. У тебя должна быть тёплая куртка!

– О! – воскликнула Гретель в неподдельном смятении, – Неужели ты не будешь покупать коньки? Да ведь мне не часто бывает холодно! Мама говорит, что у бедных детей кровь бежит по жилам, и они напевают: «Я должна держать их в тепле! Я должна держать их в тепле», – О, Вилсон, – продолжала она, чуть не всхлипывая, – только не говори, что не пойдёшь покупать коньки. Я сейчас заплачу! К тому же, я хочу замерзнуть. Я хочу сказать, что мне действительно ужасно тепло – прямо сейчас!

Ганс поспешно поднял глаза. Он всегда был в ужасе, когда рядом слезы или вообще какие-либо эмоции, но больше всего он боялся увидеть, как голубые глаза его сестры наполняются слезами.

– Имей в виду, – воскликнула Гретель, видя свое превосходство, – я буду ужасно себя чувствовать, если ты не купишь коньки. Мне они не нужны. Я не такой уж скупердяй, но я хочу, чтобы они были у тебя, а потом, когда я вырасту, они мне подойдут – о, сосчитай, Ганс, сколько у нас денег! Целай куча!. Ты когда-нибудь видел так много денег?

Ганс задумчиво повертел деньги на ладони. Никогда в жизни ему так сильно не хотелось купить пару коньков, потому что он знал о забеге и мечтал испытать свои силы вместе с другими детьми. Он был уверен, что с парой хороших стальных полозьев он легко сможет обогнать большинство мальчишек на канале. В этом случае доводы Гретель тоже были убедительными. С другой стороны, он знал, что ей, с её сильным, но гибким телосложением, нужна всего неделя тренировок на хороших бегунках, чтобы стать лучшей фигуристкой, чем Ричи Корбес или даже Катринка Флак. Как только эта последняя мысль пришла ему в голову, он принял решение. Если Гретель не хочет носить куртку, пусть возьмет коньки.

– Нет, Гретель, – ответил он наконец, – я могу подождать. Когда-нибудь, может быть, у меня накопится достаточно денег, чтобы купить хорошую пару. Они у тебя будут.

Глаза Гретель заблестели, но в следующее мгновение она довольно тихо продолжила:

– Молодая леди дала тебе деньги, Ганс. С моей стороны было бы очень плохо их брать!

Ганс решительно покачал головой и поплёлся дальше, заставляя сестру то ли вприпрыжку, то ли шагом идти рядом с ним. К этому времени они уже сняли свои деревянные «качалки» и спешили домой, чтобы сообщить матери радостную новость.

– Ой! Я знаю! – радостно воскликнула Гретель, – Ты можешь это сделать. Ты можешь взять пару, которая будет немного мала для тебя и слишком велика для меня, и мы сможем пользоваться ими по очереди. Разве это не прекрасно? Гретель снова захлопала в ладоши. Бедный Ганс! Это было сильное искушение, но он, храбрый малый, отогнал его от себя.

– Ерунда, Гретель. Ты никогда не умела носить большие туфли. Ты спотыкалась с ними, как слепая курица, пока я не обрезал концы. Нет, у тебя должна быть пара точно по размеру, и ты должен тренироваться при каждом удобном случае, пока не наступит двадцатое число. Моя маленькая Гретель выиграет серебряные коньки! Гретель не могла удержаться от смеха при одной мысли об этом.

«Вилсон! Гретель!» – позвал знакомый голос.

– Иду, мама!

Они поспешили к дому, а Ганс все еще тряс серебряными монетами, которые держал в руке. На следующий день во всей Голландии не было более гордого и счастливого мальчика, чем Ганс Бринкер, когда он наблюдал за своей сестрой, которая ловко скользила взад и вперёд среди конькобежцев, заполонивших на закате канал. Добросердечная Хильда подарила ей тёп-

лую куртку, а мама Бринкер привела в порядок стоптанные туфли. Пока маленькое создание носилось взад и вперёд, покрасневшее от удовольствия и совершенно не замечающая множества устремленных на неё удивленных взглядов, ей казалось, что сверкающие бегунки у неё под ногами внезапно превратили землю в волшебную страну, а «Вилсон, дорогой, хороший Вилсон!» – снова и снова отдавалось эхом в её благодарном сердце.

– Ей-богу! – воскликнул Питер ван Хольп, обращаясь к Карлу Шуммелю, – Но эта малышка в красной курточке и залатанной нижней юбке отлично катается на коньках. Черт возьми! У неё пальцы на пятках и глаза на затылке! Посмотрите на нее! Вот будет шутка, если она все-таки примет участие в забеге и обгонит Катринку Флэк!

– Тише! Не так громко! – ответил Карл довольно насмешливо, – Эта маленькая леди в лохмотьях – любимица Хильды ван Глек! Эти блестящие коньки – её подарок, если я не ошибаюсь.

– Так! так! – воскликнул Питер с лучезарной улыбкой, потому что Хильда была его лучшей подругой.

– Она и там хорошо поработала!

А Минхеер ван Хольп, прочертив на льду двойную восьмёрку, не говоря уже об огромной букве «П», затем совершил немыслимый прыжок и «Н», и как ни в чём не бывало, заскользил дальше, пока не оказался рядом с Хильдой. Взявшись за руки, они катались на коньках, сначала весело смеясь, а потом степенно переговариваясь вполголоса. Как ни странно, Питер ван Хольп вскоре пришёл к внезапному убеждению, что его младшей сестре нужна такая же деревянная цепочка, как у Хильды. Два дня спустя, в канун Дня Святого Николая, Ганс, который сжёг три свечных огарка и вдобавок порезал большой палец, стоял на рынке в Амстердаме, покупая еще одну пару коньков.

Глава V

Тени в доме

Добрая миссис Бринкер! Как только в полдень со скудным обедом было покончено, она облачилась в свой праздничный наряд, сшитый в честь святого Николая.

«Это развеселит детей!» – подумала она про себя, и не ошиблась. Праздничное, выходное платье надевалось очень редко в течение последних десяти лет. До этого оно уже сослужило хорошую службу и блистало на многих танцульках, когда она была известна повсюду как прелестная Мейтхе Кленк. Детям иногда удавалось мельком взглянуть на него, когда оно отлёживалось в старом дубовом сундуке. Каким бы выцветшим и поношенным оно теперь ни было, в их глазах оно было великолепным, с этим белым льняным воротником, который теперь был собран с складки у шеи и исчезал под аккуратным лифом из голубой домотканой ткани, и с красновато-коричневой юбкой, отороченной чёрной лентой. В вязаных шерстяных рукавицах и изящной шапочке, открывавшей её прекрасные волосы, которые обычно были скрыты, Гретель казалась почти принцессой, а мастер Ганс на глазах становился степенным и благовоспитанным. Вскоре маленькая служанка, заплетая свои золотистые локоны, в восторге заплясала вокруг матери.

– О, мама, мама, мама, какая ты хорошенькая! Посмотри, Вилсон! Разве это не похоже на картинку из журнала?

– Прямо картинка! – весело поддакнул Вилсон, – Прямо картинка, только мне не нравятся эти штуковины, будто чулки на руках!

– Это не варежки, братец Ганс! Это митенки! Они очень важны! Смотри, они скрывают красные руки на морозе! О, мама, какая у тебя белая рука там, где заканчивается варежка, белее, чем у меня, о, намного белее! Не обуюжайся! Я заявляю, мама, что лиф тебе чуть тесноват. Ты растёшь! Ты определенно растёшь!

Мадам Бринкер рассмеялась.

– Это платье было сшито давным-давно, милая, когда я была не толще в талии, чем мутовка в мясорубке. А как тебе нравится шапочка? – спросила она, вращая головой.

– О, мама, я так люблю тебя! Это потрясающе! Даже отец смотрит!

Смотрел ли отец? Увы! Только скучающим взглядом. Его жена, вздрогнув, повернулась к нему, и что-то похожее на румянец засветилось на её щеках, а в глазах мелькнул вопросительный огонёк. Её веселый взгляд мгновенно угас.

– Нет, нет! – вздохнула она, – Он никуда не смотрит! Пойдём, Вилсон!

На лице её снова появилась слабая улыбка.

– Не стой, как раззяна и не пялься в меня целыми днями, в Амстердаме тебя ждут новые коньки!

– Ах, мама, – ответил он, – Ты так беспокоишься обо мне! Зачем мне покупать коньки?

– Ерунда, дитя моё! Деньги были даны тебе специально, или ты заработал на это – какая разница? Иди, пока Солнце в зените! Да, возвращайся поскорее, Вилсон! – засмеялась Гретель.

– Сегодня вечером мы будем бегать наперегонки по каналу, если мама нам позволит!

У самого порога он обернулся и сказал:

– У твоей прялки сломалась педаль, мама?

– Ты сможешь это починить, Ганс?

– Починю! Обещаю! Денег на это не нужно! Но тебе понадобятся перья, шерсть, мука, и...

– Ладно, не суетись! Этого хватит. На твоё серебро всего не купишь! Ах! Ганс, если бы украденные у нас деньги вдруг вернулись нам в этот светлый канун дня Святого Николая, как бы мы были рады! Только вчера вечером я молился доброму святому...

– Мама! – в смятении перебил её Ганс.

– Почему бы и нет, Ганс? Как тебе не стыдно упрекать меня в этом! Я такая же истинная протестантка, как и любая благородная душа, которая ходит в церковь, но нет ничего плохого в том, чтобы иногда обратиться к доброму святому Николаю. Но! Что такое случилось в мире, что человеку нельзя уж и помолиться без того, чтобы его дети не вспылили? А ведь он сам посути – главный святой мальчиков и девочек! Ура! Жеребёнок рискнул учить кобылу!

Вилсон слишком хорошо знал свою мать, чтобы возразить хоть словом, когда её голос звучал так резко, как сейчас (он часто становился визгливым, когда она говорила о пропавших деньгах), поэтому он мягко спросил:

– И о чём же ты просила доброго святого Николая, мама?

– Ну, чтобы не дать вора́м сомкнуть глаз, пока они не принесут мои деньги обратно, надеюсь у него хватит сил и таланта сделать это, или же чтобы просветлить наш разум, чтобы мы могли найти их сами... Я не в себе с того дня, как пострадал мой дорогой отец, тебе это хорошо известно, Ганс.

– Я так и делаю, мама! – печально ответил он, – Хотя ты чуть не перевернула вверх тормашками весь дом, пока искала!

– Да! Я думаю, что да, но это еще не признак! Я никогда не придерживалась одного и того же мнения в течение двух дней. Возможно, отец заплатил за большие серебряные часы, которые хранятся у нас с того дня. Но нет, я никогда в это не поверю.

– Часы не стоили и четверти этих денег, мама!

– Нет, конечно, твой отец был проницательным человеком до последнего момента. Он был слишком уравновешенным и бережливым для глупых поступков!

– Интересно, откуда взялись эти часы? – пробормотал Ганс, обращаясь скорее к самому себе. Тётушка Бринкер покачала головой и печально посмотрела на мужа, который сидел, тупо уставившись в пол. Гретель стояла рядом с ним и вязала.

– Этого мы никогда не узнаем, Вилсон. Я много раз показывал эти часы отцу, но он реагировал на них, как на вареную картошку. Когда он пришел в ту ужасную ночь ужинать, он отдал часы мне и велел беречь их, как зеницу ока, пока не попросит их снова. Только он приготовился открыть рот, чтобы сказать что-то ещё, как в комнату влетел Брум Клаттербуст с сообщением, что дамба в опасности. Ах! На прошлой неделе погода была ужасная! Мой муж Алекс схватил свои инструменты и убежал. Это был последний раз, когда я видел его в здравом уме. К полуночи его привезли обратно, почти мёртвого, с его бедной головой, покрытой синяками и ссадинами. Лихорадка со временем прошла, но тупость так и не прошла – она только усиливалась с каждым днём. Что там было, мы никогда не узнаем!

Вилсон слышал всё это и раньше. Не раз он видел, как его мать в часы острой нужды доставала часы из тайника, твёрдо решив продать их, но всегда преодолевала искушение.

– Нет, Вилсон, – говорила она, – только в шаге от голодной смерти, не сейчас, мы можем предать отца!

Воспоминание о подобной сцене промелькнуло в голове её сына, потому что, тяжело вздохнув и бросив через стол в Гретель кусок воска, он сказал:

– Да, мама, ты храбро поступила, сохранив эту вещь! Многие давно бы променяли её на золото!». Давным-давно...

– И это ещё большее позорище для них! – возмущенно воскликнула тётушка. – Я бы этого никогда не сделала! Кроме того, господа так строги к нам, беднякам, что, если бы они увидели такую вещь в наших руках, даже если бы мы всё рассказали, как она к нам попала, они всё равно стали бы подозревать отца...

Ганс вспыхнул от гнева.

– Они не посмеют сказать такое, мама! Если бы они это сделали, я бы...

Он сжал кулак и, казалось, решил, что продолжение фразы было слишком ужасным, чтобы произносить его в её присутствии. Госпожа Бринкер гордо улыбнулась сквозь слёзы, прервав его...

– Ах, Ганс, ты настоящий, храбрый мальчик! Мы никогда не расстанемся с часами. В свой смертный час дорогой отец может наконец очухаться и попросить их!

– Может ПРОСНУТЬСЯ, мама! – эхом отозвался Ганс, – Проснётся – и узнает нас?

– Да, дитя моё, – почти беззвучно прошептала его мать, – такое случалось и раньше!

К этому времени Ганс почти забыл о своей предполагаемой поездке в Амстердам. Его мать редко говорила с ним так фамильярно. Теперь он чувствовал себя не только её сыном, но и другом, советчиком.

– Ты права, мама. Мы никогда не должны отказываться от часов. Ради отца мы всегда будем беречь их. Однако деньги могут всплыть, когда мы меньше всего этого ожидаем!

– Никогда! – воскликнула тетушка Бринкер, рывком делая последний стежок и тяжело кладя незаконченное вязание на колени, – Шансов нет! Тысяча гульденов – и всё пропало за один день! Тысяча гульденов! О, что же с ними случилось? Если бы они пошли дурным путем, вор признался бы в этом хотя бы на смертном одре. Он не посмел бы умереть с таким чувством вины на душе!»

– Возможно, он ещё жив! – успокаивающе сказал Ганс, – Мы можем услышать о нём в любой день.

– Ах, дитя мое, – сказала она изменившимся голосом, – и какому вору могла прийти в голову мысль забираться сюда? Слава Богу, здесь всегда было чисто, но не очень богато, потому что мы с отцом всегда экономили и откладывали, чтобы хоть что-нибудь припрятать. Если копить понемногу и откладывать почаще, кошелек наполняется быстрее! По правде говоря, мы убедились, что так лучше. Кроме того, у отца уже была приличная сумма за услугу, оказанную землям Хернохта во время великого наводнения. Каждую неделю тогда у нас оставался гульден, а иногда и больше, потому что отец работал сверхурочно и мог получать за свой труд самую высокую плату. Каждую субботу вечером мы что-нибудь откладывали, за исключением того времени, когда у тебя была лихорадка, Ганс, и когда приехала Гретель. В конце концов сумка так распухла, что я заштопала старый чулок и начала всё сначала. Теперь, когда я оглядываюсь назад, мне кажется, что за несколько солнечных недель деньги были на исходе. В те дни хорошо платили, если человек хорошо справлялся с инженерной работой. Копилка продолжала наполняться медью и серебром – да, и золотом. Теперь ты можешь открыть глаза, Гретель. Я смеялась и говорила отцу, что ношу свое старое платье не из-за бедности. И чулок продолжал наполняться, он был настолько полный, что иногда, просыпаясь ночью, я тихонько вставала и шла ощупывать его при лунном свете. Затем, стоя на коленях, я благодарила нашего Господа за то, что мои малыши со временем смогут хорошо учиться и что отец в старости сможет отдохнуть от трудов. Иногда за ужином мы с отцом говорили о новом дымоходе и хорошем зимнем сарае для коровы, но у моего мужа были планы и поважнее. «Большой парус, – говорит он, – лучше ловит ветер! – скоро мы сможем сделать всё, что хотим!», – и потом мы пели вместе, пока я мыла посуду. Ах, «при ровном ветре легко управлять рулём». Ничто не раздражало и не выводило из себя с утра до вечера. Каждую неделю отец доставал чулок, опускал в него деньги, смеялся и целовал меня, когда мы вместе его завязывали.

– С тобой всё в порядке, Ганс? Ты сидишь, разинув рот, и тратишь время впустую! – язвительно добавила тетушка Бринкер, покраснев от того, что слишком откровенно разговаривала со своим мальчиком, – Тебе давно пора отправляться в путь!

Ганс сел и внимательно посмотрел ей в лицо. Он встал и почти шепотом спросил: «Ты когда-нибудь пробовала, мама?» Она поняла его.

– Да, дитя мое, часто. Но отец только смеётся или смотрит на меня так странно, что я рада, что больше ничего не спрашиваю. Когда прошлой зимой у вас с Гретель была лихорадка, и у нас почти не было хлеба, и я ничего не могла заработать, боясь, что ты умрешь, пока я отвернусь к плите, о! Тогда я попыталась! Я гладила его по волосам и нежно, как котенка, шептала ему о деньгах – где они, у кого они? Увы! Он дергал меня за рукав и шептал какую-то чушь, пока у меня кровь не стыла в жилах. Наконец, когда Гретель лежала белее снега, а ты метался на кровати, я закричала ему – казалось, он ДОЛЖЕН был меня услышать: «Рафф, где наши деньги? Ты что-нибудь знаешь о деньгах, Рафф? Деньги в кошельке и чулке, в большом сундуке?» Но с таким же успехом я могла бы разговаривать с камнем. Я могла бы...

Голос матери звучал так странно, а глаза её так сильно блеснули, что Вилсон, охваченный смутной тревогой, положил ей на плечо руку.

– Ну же, мама, – сказал он, – что же нам делать, давай постараемся забыть об этих деньгах. Я большой и сильный. Гретель тоже очень сообразительная девочка. Скоро у нас всё снова будет хорошо. Мама, мы с Гретель предпочли бы видеть тебя весёлой, чем иметь все серебро в мире, да и золото тоже, правда, Гретель?

– Мама сама знает! – всхлипывая, сказала Гретель.

Глава VI

Солнечные Лучи

Яркие проявления чувств детей так поразили Тётушку Бринкер, так обрадовали её, потому что доказывали, какими любящими и преданными детьми они были. Прекрасные дамы в королевских домах часто мило улыбаются, веселя сам воздух вокруг себя, но я сомневаюсь, что их улыбка когда-либо будет более желанной в глазах Всевышнего, чем та, что появилась на губах тётушки, чтобы подбодрить грубо одетых юношу и девушку в их скромном домике.

Тётушка Бринкер почувствовала, что поступила эгоистично. Краснея и сбрасывая с себя невольное смущение, она поспешно вытерла глаза и посмотрела на них взглядом, каким может смотреть на детей одна мать.

– Вот так и всё! Заболталась я с вами!! Мы мило беседуем, а канун дня Святого Николая уже почти наступил! Что за напасть, пряжа колет мне пальцы! Ну же, Гретель, пошевеливайся, возьми вот эту монетку, * {Голландский цент стоит меньше половины американского цента.} а пока Вилсон покупает коньки, ты можешь купить вафель на рынке! Иди!

– Mam, позволь мне остаться с тобой дома! – сказала Гретель, подняв на нее глаза, в которых блеснули слезы, – Ганс всё купит сам!

– Как пожелаешь, дитя моё, а ты, Вилсон, подожди минуточку. Три оборота этой иглы и я закончу вязать мысок, и тогда у вас будут чулки не хуже, чем когда-либо связанные чулки (купить пряжу, ребята, в наше время – слишком дорого), киз лавки чулочника на Харенграхт. * {Улица в Амстердаме.} Это даст нам три четверти гульдена навара, если вы хорошо поторгуетесь, а так как сейчас стоит голодная погода, вы потом можете купить четыре вафли. В конце концов, праздник святого Николая, никому не отменить!

Гретель захлопала в ладоши.

– Это будет замечательно! Энни Боуман рассказала мне, как замечательно они проводят вечер в своём богатом доме! Но мы тоже не лыком шиты, тоже будем веселиться! У Ганса к тому времени будут новые красивые коньки, а потом и вафли подтянутся! О! Только не испортить их, братец Ганс! Заверни их хорошенько и застегни под курткой очень тщательно, чтобы они не полопались по пути!

– Само собой! – ответил Ганс, слегка охрипший от удовольствия и важности.

– О-ой! Мама! – радостно воскликнула Гретель. – Скоро ты будешь заниматься с папой, а сейча, пока ты вяжешь, расскажи нам, пожалуйста, о святом Николае!

Тётушка Бринкер рассмеялась, увидев, что Ганс повесил шляпу и приготовился слушать.

– Чепуха, дети! – сказала она, – Я вам это рассказывала уже тысячу раз!

– Ну-у! Расскажите нам ещё раз! О, пожалуйста, расскажи нам ещё раз! – воскликнула Гретель, бросаясь на чудесную деревянную скамью, которую её брат смастерил к последнему дню рождения матери. Ганс, не желая показаться ребёнком, но в то же время охотно слушая историю, стоял, небрежно покачивая коньками у камина.

– Что ж, дети, если хотите, вы это услышите, но мы больше никогда не должны так бездельничать впустую транжирить время среди бела дня! Подними свой клубок, Гретель, и вяжи, пусть твой носок растёт, пока я говорю. Если ты открываешь уши, не обязательно затыкать их пальцами.

Святой Николай, как вы, должно быть, знаете, замечательный святой. Он заботится о благе моряков, но больше всего заботится о мальчиках и девочках. Давным-давно, когда он ещё жил на земле, один азиатский купец отправил своих троих сыновей учиться в большой город, который назывался Афины.

– Мама, Афины находятся в Голландии? – спросила Гретель.

– Я не знаю, дитя моё! Вероятно, так оно и есть!

– О, нет, мама! – почтительно ответил Ганс, – Я слышал это на уроках географии давным-давно, что Афины находятся в Греции!

– Ну, допустим, что это так... – продолжала мать, – какая разница? Греция может принадлежать королю, насколько мне известно. Так или иначе, этот богатый купец отправил своих сыновей в Афины. В пути они как-то заночевали в убогой гостинице, намереваясь утром отправиться в путь. Что ж, у них была очень красивая одежда – может быть, из бархата и шелка, какие дети богатых людей во всем мире не прочь носить, – и их под сумки тоже были набиты деньгами. Что же сделал злой домовладелец, как не придумал план убить детей и самому забрать их деньги и всю красивую одежду? И вот той ночью, когда весь мир спал, он встал и убил трех молодых джентльменов!..

Гретель всплеснула руками и вздрогнула, но Вилсон во всю старался выглядеть так, словно убийство было для него самым обычным делом.

– И это было ещё не самое худшее, – продолжала тетушка Бринкер, медленно вращая иглой и стараясь при этом вести счет стежкам, – Это было ещё не самое худшее. Ужасный хозяин пошёл, разрезал тела молодых джентльменов на мелкие кусочки и бросил их в большую бочку с рассолом, намереваясь продать их за маринованную свинину!

– Ву-у! О! – в ужасе воскликнула Гретель, хотя она часто слышала эту историю и раньше. Вилсон по-прежнему оставался невозмутимым и, казалось, считал, что маринование – это лучшее, что можно сделать в данных обстоятельствах с высокопоставленными джентльменами.

– Да, он их замариновал, и можно подумать, что это был последний из молодых джентльменов. Но нет. В ту ночь святому Николаю было чудесное видение, и в нём он увидел, как хозяин дома режет детей купца. Ему, знаете ли, незачем было торопиться, ведь он был святым, но утром он отправился в гостиницу и обвинил хозяина в убийстве. Тогда злой хозяин признался во всём от начала до конца и упал на колени, умоляя о прощении. Он так сожалел о содеянном, что попросил святого вернуть молодых мастеров к жизни!

– И святой отец сделал это? – восхищенно спросила Гретель, прекрасно зная, каков будет ответ.

– Конечно, он это сделал. Кусочки маринованной ботвы мгновенно разлетелись в разные стороны, и юные джентльмены, как пробка из бутылки выскочили из бочки с рассолом. Они припали к ногам святого Николая, и он благословил их, и... о! Помилуй нас, Ганс, если ты не отправишься в путь сию же минуту, стемнеет раньше, чем ты вернешься! Аминь!

К этому времени тетушка Бринкер почти запыхалась и совсем забыла о петлях. Она не могла припомнить, когда бы видела, чтобы дети вот так бездельничали целый час днём, и мысль о подобной роскоши приводила её в ужас. В качестве компенсации она теперь носилась по комнате с невероятной поспешностью. Подбросив в огонь кусок торфа, она сдула невидимую пыль со стола и кинула готовый носок Гансу, и всё это в одно мгновение...

– Иди сюда, Ганс! – сказала она, когда мальчик задержался у двери, – Ну, и что тебя держит?

Вилсон поцеловал пухлую щёку матери, всё такую же розовую и свежую, несмотря на все её беды и горести.

– Моя мама самая лучшая в мире, и хотя я был бы очень рад получить пару коньков, но, – и, застегивая куртку, он с беспокойством посмотрел на странную фигуру, скорчившуюся у камина, – если бы на мои деньги можно было привезти врача (доктор по-голландски, которого низшие классы называли мейстером.) из Амстердама, чтобы показать ему отца, ещё можно было бы что-то поправить!

– Ганс, врач не пришел бы и за вдвое большую сумму, да и толку от этого не было бы никакого! Ах, сколько гульденов я однажды потратил на это, но дорогой, добрый отец так и не захотел проснуться. На всё воля Божья! Беги, Ганс, купи коньки!

Вилсон начинал путь с тяжелым сердцем, но, поскольку сердце у него было молодое и находилось в юной, мальчишеской груди, не прошло и пяти минут, как он начал весело насвистывать. Его мать сказала ему «ты», и этого было вполне достаточно, чтобы даже пасмурный день стал солнечным. Голландцы не обращаются друг к другу с нежностью, как это делают французы и немцы. Но госпожа Бринкер в детстве вышивала для гейдельбергской семьи, и она принесла это «ты» в свой грубый дом, чтобы использовать его в моменты особой любви и нежности. Поэтому «Что удерживает тебя, Вилсон?» – эхом отозвалось в песне, которую мальчик насвистывал, и заставило его почувствовать, что его поручение обязательно будет выполнено.

Глава VII

Вилсон делает по-своему.

Неподалеку находился Брук с его тихими, безукоризненно чистыми улицами, замёрзшими речушками, тротуарами из жёлтого кирпича и яркими деревянными домами. Это была деревня, где царили чистота и порядок, но жители, казалось, либо спали, либо умерли. На посыпанных песком дорожках, где причудливыми узорами лежали камешки и ракушки, не осталось ни единого следа. Ставни на всех окнах были плотно закрыты, как будто воздух и солнечный свет были отравлены, а массивные парадные двери открывались только по случаю свадьбы, крестин или похорон. Безмятежные клубы табачного дыма проплывали по укромным уголкам, а дети, которые в противном случае могли бы разбудить это место, занимались в укромных уголках или катались на коньках по соседнему каналу. В садах обитало несколько павлинов и волков, но им никогда бы и в голову не пришло вообразить себя паувлинами и волками из плоти и крови и насладиться жизнью вяве. Они были сделаны из переплетённых самшитовых изгородей и, казалось, охраняли территорию с какой-то зелёной, дикой свирепостью. Некоторые забавные автоматы – утки, женщины и спортсмены – были спрятаны в летних домиках в ожидании весны, когда их можно будет завести и посоревноваться в подвижности со своими владельцами; а сверкающие черепичные крыши, выложенные мозаикой внутренние дворики и отполированная отделка домов воздавали безмолвное почтение небу, на котором никогда не оседало ни пылинки. Ганс взглянул в сторону деревни, и покачивая серебряными коньками, задумался, правда ли, что некоторые жители Брука были настолько богаты, что пользовались кухонной утварью из чистого золота, как он часто слышал у себя на кухне. Он видел на рынке сладкие сыры Мевроу ван Ступ и знал, что эта благородная дама заработала на их продаже горы серебряных гульденов. Но ставила ли она сливки для взбивания в золотые сосуды? Использовала ли она золотую шумовку? Когда её коровы были на зимних пастбищах, у них действительно были подвязаны хвосты позолоченными ленточками?

Эти мысли пронеслись у него в голове, когда он повернулся лицом к Амстердаму, вздымавшемуся менее чем в пяти милях от него, по другую сторону замерзшего Y. * (Произносится как «глаз»), рукава Зейдер-Зее.) Лёд на канале был идеально ровный, но деревянные полозья Ганса, которые так скоро должны были быть отброшены, уныло и прощально скрипели, когда он скользил на них. Пересекая реку, он не мог не заметить, как навстречу ему мчится важный доктор Букман, самый знаменитый врач и хирург Голландии. Вилсон никогда раньше не встречался с ним, но видел его гравюры на многих витринах магазинов в Амстердаме. Это было лицо, которое невозможно было забыть никогда. Худой и долговязый, хотя и голландец по происхождению, с суровыми голубыми глазами и странно сжатыми губами, которые, казалось, говорили: «Улыбаться со мной запрещено», он, безусловно, не отличался особой веселостью или общительностью, да и хорошо воспитанный мальчик не стал бы приставать к нему без приглашения. Но Гансу приказывала, и это был тоже голос, к которому он обязан был прислушаться, – его собственная совесть.

«Вот пред тобой величайший врач в мире! – прошептал голос, – Его послал тебе сам Бог. Ты не имеешь права покупать коньки, когда мог бы за те же деньги купить помощь своему отцу!»

Деревянные полозья радостно заскрипели. Сотни красивых коньков сверкнули серебряными полозьями и исчезли в воздухе над ним. Он почувствовал, как деньги защекотали его пальцы. Старый доктор выглядел устрашающе мрачным и неприступным. Сердце Ганса забилось и очутилось где-то в горле, но, проходя мимо, он нашёл в себе силы крикнуть:

– Минхерц Букман!

Великий человек остановился и, выпятив тонкую нижнюю губу, хмуро огляделся по сторонам. Теперь Гансу должно было прийти несладко.

– Минхеер, – задыхаясь, проговорил он, приближаясь к свирепому на вид доктору, – я знал, что вы не кто иной, как знаменитый Букман. Я должен попросить вас о большом одолжении...

– Хамп! – пробормотал доктор, готовясь проскочить мимо незваного гостя. – Прочь с дороги! У меня нет денег – я не подаю нищим!

– Я не нищий, минхерц! – гордо возразил Ганс, в то же время с важным видом доставая свою серебряную монету, – Я лишь хотел посоветоваться с вами о моём отце. Он живой человек, но сидит как мёртвый. Он не может думать. Его слова ничего не значат, но он не болен. У него не работает голова! Он упал на каменную дамбу!

– Эй? Что? – воскликнул доктор, начиная прислушиваться. Ганс рассказал всю историю бессвязно, и пока говорил, раз или два смахнул слезу, пока наконец не закончил серьёзно:

– О, пожалуйста, повидайтесь с ним, минхерц! С его телом всё в порядке – это только его разум покалечен! Я знаю, что этих денег недостаточно, но возьмите их, минхерц! Я заработаю много больше, я знаю, что заработаю! О! Я буду трудиться для вас всю свою жизнь, только вылечите моего отца!

Что случилось со старым доктором? Его лицо просияло, как будто освещённое солнечным светом. Глаза у него теперь были добрые и влажные; рука, которая совсем недавно сурово сжимала трость, словно готовясь нанести удар, мягко легла на плечо Ганса.

– Убери свои деньги, мальчик, они мне не нужны. Мы повидаемся с твоим отцом! Я посмотрю его! Боюсь, это безнадежно! Сколько времени ты сказал?

– Десять лет, минхерц! – всхлипнул Ганс, озаряясь внезапной надеждой.

– Ах! Тяжёлый случай, должно быть, но я посмотрю его! Дай подумать! Сегодня я уезжаю в Лейден, вернусь через неделю, тогда я и приду к вам! Где это?

– В миле к югу от Брука, в Майнхеере, недалеко от канала. Это такая бедная, полуразрушенная хижина. Любой из детей, живущих поблизости, может показать её вашей чести! – добавил Ганс с тяжёлым вздохом, – Они все побаиваются этого места, называют его хижинкой идиота!

– Этого достаточно, – сказал доктор и поспешил дальше, весело кивнув Гансу.

«Надо не забыть! Надо зайти! Безнадежный случай, скорее всего! – пробормотал он себе под нос, – но мальчик мне нравится. У него такие же глаза, как у моего бедного Лоренса! Черт возьми, я никогда не забуду этого молодого негодяя!»

И, нахмурившись ещё сильнее, доктор молча продолжил свой путь. И снова Ганс катился в сторону Амстердама на скрипучих деревянных полозьях; снова его пальцы сжимали деньги в кармане; снова мальчишеский свисток инстинктивно поднимался к губам.

«Рвануть ли домой, – думал он, – чтобы сообщить хорошую новость, или сначала купить вафли и новые коньки? Ух ты! Пожалуй, полечу дальше!»

И вот Ганс купил коньки.

Глава VIII

Представляем вам Джейкоба Пута и его двоюродного брата

Вилсон и Гретель отлично повеселились в канун дня Святого Николая. Светила яркая луна, и их мать, хотя и считала, что у неё нет никакой надежды на выздоровление мужа, была так счастлива при мысли о визите мейстера, что уступила просьбам детей покататься часок перед сном на коньках. Ганс был в восторге от своих новых коньков и, стремясь показать Гретель, как прекрасно они скользят, вытворял на льду такие штуки, что маленькая девочка в полном восторге всплеснула руками. Они были не одни, хотя, казалось, на них совершенно не обращали внимания группки катающихся на берегу канала. Там были оба Ван Хольпа и Карл Шуммель, которые изо всех сил старались показать свою ловкость. Из четырёх забегов Петер ван Хольп выиграл три раза. В результате Карл, всегда отличавшийся дружелюбием, был не в лучшем настроении. Он с иронией поддразнивал юного Шиммельпеннинка, который, будучи меньше остальных ростом, смиренно держался рядом с ними, не чувствуя себя одним из них, но теперь Карлом овладела новая мысль, или, скорее, он ухватился за новую мысль и набросился на своих друзей.

– Послушайте, ребята, давайте положим конец тому, что эти зелёные старьёвщики из дома идиота рассчитывают участвовать в забеге. Хильда, должно быть, сошла с ума, если задумала это. Катринка Флэк и Ричи Корбес в ярости от одной только мысли о том, чтобы соревноваться с этой девицей, и я, со своей стороны, их не виню. Что касается мальчика, то если в нас есть хоть искра мужественности, мы с презрением отнесемся к самой идее...

– Конечно! Давайте! – вмешался Питер ван Хольп, намеренно неправильно истолковав слова Карла, – Кто в этом сомневается? Ни один парень, в котором есть хоть капля мужественности, не откажется принять двух хороших фигуристок только потому, что они бедны!

Карл яростно развернулся.

– Осади на повороте, мелюзга! Я был бы признателен тебе, если бы ты не говорил за всех. Тебе лучше помалкивать в дудочку!

– Ха-ха! – засмеялся маленький Воостенвальберт Шиммельпенник, обрадованный перспективой драки и уверенный, что, если дело дойдёт до драки, его любимец Петер сможет побить дюжину таких легковозбудимых хилаков, как Карл. Что-то во взгляде Питера заставило Карла с радостью переключиться на более слабого обидчика. Он яростно набросился на Вооста.»

– Чего ты визжишь, маленький, вредный проныра? Ты, тощая селёдка, маленькая обезьянка с длинным именем вместо хвоста!

Полдюжины зевак и конькобежцев разразились одобрительными криками в ответ на эту смелую остроту, и Карл, почувствовав, что он полностью победил своих врагов, отчасти пришёл в хорошее расположение духа. Однако он благоразумно решил отложить заговор против Ганса и Гретель до того времени, когда рядом не будет Питера. Как раз в этот момент к нему подошёл его друг Джейкоб Пут. Сначала они не могли разглядеть его лица, но, поскольку он был самым крепким парнем в округе, ошибиться в его фигуре было невозможно.

– Привет! А вот и Фатти! – воскликнул Карл. – И с ним еще кто-то, стройный парень, кто-то незнакомый.

– Ха! ха! Это похоже на хороший кусок бекон, – воскликнул Людвиг, – Нежирная грудинка на обед!

– Это английский кузен Джейкоба, – вставил мастер Воост, обрадованный возможностью поделиться информацией, – Это его английский кузен, и, о, у него такое забавное маленькое имя – Бен Доббс. Он собирается остаться с ним до окончания большой гонки.

Все это время мальчики тихо катались на коньках, но теперь они стояли неподвижно, ёжась от морозного воздуха, когда Джейкоб Пут и его друг вдруг приблизились к ним.

– Это мой двоюродный брат, ребята! – сказал Джейкоб, слегка запыхавшись, – Бенджамин Доббс. Он Джон Буль, и он собирается участвовать в забеге!

Все столпились, как мальчишки, вокруг новичков. Бенджамин вскоре пришёл к выводу, что голландцы, несмотря на их странную тарабарщину, – отличные ребята. По правде говоря, Джейкоб представил своего кузена как Пенчамина Доппса и назвал его Шон Пулл, но, поскольку я перевожу каждое слово из разговора наших юных друзей, будет не более чем справедливо прокомментировать их скромные попытки овладеть английским. Мастер Доббс поначалу чувствовал себя явно неловко среди друзей своего кузена. Хотя большинство из них изучали английский и французский языки, они стеснялись говорить на обоих, и делали очень забавные промахи, когда пытался заговорить по-голландски. Он узнал, что «vrouw» означает «жена», «ja» – «да», «spoorweg» – «железная дорога», «kanaals» – «каналы», «stoomboot» – «пароход»; ophaalbruggen – разводные мосты; buiten platen – загородные усадьбы; mynheer – господин; tweegevegt – дуэль или «два поединка»; koper – медь; zadel – седло; но он не мог ни составить из этого внятного предложения, ни воспользоваться длинным списком фраз, которые он выучил по учебнику «Голландские Диалоги». Темы последних были хороши, но мальчики брезговали брать их в руки.

Подобно бедняге, который в Оллендорфе научился на безупречном немецком спрашивать: «Вы видели рыжую корову моей бабушки?», а приехав в Германию, обнаружил, что у него нет ни одной возможности расспросить об этом интересном животном, Бен обнаружил, что его книжный голландский не так полезен, как он рассчитывал. Он проникся искренним презрением к Яну ван Горпу, голландцу, который написал книгу на латыни, доказывающую, что Адам и Ева говорили по-голландски, и понимающе улыбнулся, когда его дядя Пут заверил его, что голландский «очень похож на английский, но гораздо скучнее, намного скучнее!»

Однако удовольствие от катания на коньках преодолевает все языковые барьеры. Благодаря этому Бен вскоре почувствовал, что хорошо знает мальчиков, и когда Джейкоб (немного по-французски и по-английски для удобства Бена) рассказывал о грандиозном проекте, который они задумали, его кузен время от времени соглашался или кивал в довольно фамильярной манере. Проект был поистине грандиозным, и для его осуществления должна была представиться прекрасная возможность, поскольку, помимо отведенных выходных в честь праздника Святого Николая, предполагалось выделить четыре дополнительных дня на генеральную уборку школы. Джейкоб и Бен получили разрешение отправиться в долгое путешествие на коньках – ни много ни мало, как из Брука в Гаагу, столицу Голландии, на расстояние почти в пятьдесят миль! * {В данном описании расстояния указаны в соответствии с нашим стандартом – английской статутной милей, равной 5280 футам. Голландская миля более чем в четыре раза длиннее нашей.}

– А теперь, мальчики, – добавил Якоб, рассказав о плане, – кто идёт с нами?

– Я пойду! Я пойду! – радостно закричали мальчики.

– И я тоже пойду! – отважился маленький Воостенвальберт.

– Ха! Ха! – засмеялся Джейкоб, упершись руками в толстые бока и тряся пухлыми щеками, – Ты идёшь? Такой маленький? Как ты решился? Да что ты, малыш, ты ещё не расстался со своими подушечками!

В настоящее время в Голландии очень маленькие дети надевают на голову тонкую мягкую подушечку, под каркасом из китового уса и лентой, чтобы защитить себя от падений; и когда они перестают носить её, это становится разделительной чертой между младенчеством и дет-

ством. Воост достиг этого сана за несколько лет до этого; следовательно, оскорбление Джейкоба было слишком велико, чтобы его можно было вынести.

– Смотри, что говоришь! – пропищал он, – Тебе повезло, что ты можешь не надевать подушечки – ты весь состоишь из них!

– Ха! Ха! – хором закричали все мальчики, кроме мастера Доббса, который ничего не понял, – Ха! Ха! – и добродушный Джейкоб смеялся заразительнее всех.

– Это из-за того, что я жирняк! – закричал он, – у меня даже пчёлы толстые! – объяснил он Бену. Таким образом, было единогласно принято решение разрешить ставшему популярным Вусту присоединиться к вечеринке, если, разумеется, согласятся его родители.

– Спокойной ночи! – пропел счастливый юноша, изо всех сил катясь домой, – Спокойной ночи!

– Якоб, мы можем остановиться в Харлеме, и показать твоему кузену большой орган! – с готовностью предложил Питер ван Хольп, – а также в Лейдене, где достопримечательностям нет конца, и провести день и ночь в Гааге, потому что моя замужняя сестра, которая живет там, будет рада. будет рады видеть нас, и на следующее утро мы сможем отправиться домой.

– Хорошо! – ответил Якоб, который был не слишком разговорчив. Людвиг смотрел на своего брата с восторженным восхищением.»

– Слава тебе, Пит! Ты нужен, чтобы строить планы! Мама будет в таком же восторге, как и мы, когда мы скажем ей, что можем передать привет её сестре Ван Генд. Боже, как холодно! – добавил он. – Достаточно холодно, чтобы снести человеку голову с плеч. Нам лучше пойти домой.

– А что, если будет ещё холоднее, старина Неженка? – воскликнул Карл, который усердно отрабатывал прием, который он называл «двойное отточие».»

– К этому времени в прошлом году мы отлично катались на коньках, о, если бы было так же тепло, как в декабре прошлого года. Разве вы не понимаете, что, если бы зима не была особенно холодной, да еще и ранней, мы бы не смогли поехать?

– Я и так знаю, что сегодня будет самая холодная ночь! – сказал Людвиг, – Фух! Я пошёл домой!

Питер ван Хольп достал массивные золотые часы и, поднеся их к лунному свету, насколько позволяли онемевшие пальцы, крикнул:

– Эй! Алло! Уже почти восемь часов! Сейчас появится святой Николай, и я, видит бог, я хочу посмотреть, чем он удивит малышей и будут смотреть на нас. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи! – закричали все как один и понеслись прочь, крича, распевая и смеясь. А где были Гретель и Ганс? Ох, как внезапно иногда кончается радость! Они катались около часа, держась в стороне от остальных, вполне довольные друг другом, и Гретель воскликнула:»

– Ах, Вилсон, как красиво! Как прекрасно! Подумать только, у нас обоих есть коньки! Говорю тебе, аист принес нам удачу! – и тут они что-то услышали! Это был крик – очень слабый крик! Больше никто на канале его не слышал, но Ганс слишком хорошо знал его значение. Гретель увидела, как он побледнел в лунном свете, когда деловито снимал свои коньки.»

– Папа! – закричал он, – Он напугал нашу маму!

И Гретель побежала за ним к дому так быстро, как только могла.

Глава IX

Праздник Святого Николаса

Все мы прекрасно знаем, что ещё до праздника Святого Николая Чудотворца ещё до того, как рождественская ёлка стала украшать дома нашей страны, некий «старый добрый эльф» с «восемью крошечными оленями» гнал свои сани, нагруженные игрушками, к нашим крыльцам, а затем спускался по дымоходу, чтобы наполнить чулки подарками так что они едва не срывались в камина. Друзья называли его Санта-Клаусом, а самые близкие люди отваживались называть «Старина Ник». Поговаривали, что родом он был из Голландии. Несомненно, так оно и было, но если это так, то он, как и многие другие иностранцы, сильно изменился, высадившись на наших берегах. В Голландии святой Николай считается настоящим святым и часто появляется в полном облачении: в расшитых одеждах, сверкающих драгоценными камнями и золотом, в митре, посохе и перчатках, украшенных драгоценными камнями.

И вот двадцать пятого декабря, в наше святое рождественское утро, беззаботно прогуливается Санта-Клаус по миру. Но в Голландии святой Николай посещает землю пятого числа, в специально отведенное для него время. Рано утром шестого числа он раздает свои конфеты, игрушки и сокровища, а затем снова исчезает на год. Рождество голландцы посвящают церковным обрядам и приятным семейным визитам. Именно в канун дня Святого Николая их молодежь буквально сходит с ума от радости и ожидания чуда. Для некоторых из них это печальное время, потому что святой очень откровенен, и если кто-то из них вёл себя плохо в течение прошедшего года, он обязательно скажет им об этом. Иногда он берёт под мышку березовую розгу и советует родителям давать им нагоняи вместо сладостей и порку вместо игрушек. Хорошо, что мальчишки поспешили в свои дома в тот ясный зимний вечер, потому что менее чем через час святой появился в половине домов Голландии. Он посетил королевский дворец и в тот же миг появился в уютном доме Энни Боуман. Вероятно, на один из наших серебряных полдолларовиков можно было бы купить всё, что его святейшество оставил крестьянину Боуману; но полдоллара иногда делают для бедных то, чего не могут сделать сотни долларов для богатых; они делают их счастливыми и благодарными, наполняют их новым покоем, радостью и любовью.

Младшие братья и сестры Хильды ван Глек в тот вечер пребывали в состоянии крайнего возбуждения. Их пригласили в большую, богатую гостиную, они были одеты в свои лучшие наряды, и на ужин каждому из них дали по два пирожных. Хильда была так же радостна, как и все остальные. Почему нет? Святой Николай никогда не вычеркнул бы четырнадцатилетнюю девочку из своего списка только потому, что она была высокой и выглядела почти как взрослая женщина. Напротив, он, вероятно, приложил бы все усилия, чтобы оказать честь такой величественной даме. Кто бы осмелился сказать ему «нет»? Поэтому она резвилась, смеялась и танцевала так же весело, как самые маленькие, и была душой всех их весёлых игр. Её отец, мать и бабушка одобрительно наблюдали за происходящим; то же самое делал и её дедушка, прежде чем прикрыть лицо большим красным платком, оставив видимой только верхнюю часть тубетейки. Этот платок был для него символом сна. В начале вечера все присоединились к веселью. Во всеобщем веселье, казалось, разница между дедушкой и малышом была только вразмерен веселящегося Действительно, тень торжественного ожидания, время от времени пробегающая по лицам молодых членов клуба, заставляла их казаться более задумчивыми, чем их старшие товарищи.

Теперь везде царил атмосфера веселья. Даже языки пламени плясали и подпрыгивали на полированном камине, как пляшущие человечки. Пара чопорных свечей, которые до этого смотрели на астральную лампу, начали подмигивать другим свечам, отражавшимся далёкими

рядами в зеркалах. В углу с потолка свисала длинная верёвка от звонка, сплетенная из стеклянных бусин и нанизанная на шнур толщиной почти с ваше запястье. Обычно он висит в тени и не бросается в глаза, но сегодня вечером он мерцал от края до края. Его ручка из малинового стекла отбрасывала таинственные красные блики на оклеенную обоями стену, превращая изящные голубые полосы в фиолетовые. Прохожие останавливались, чтобы послушать весёлый смех, доносившийся сквозь занавески и створки на улицу, а затем продолжали свой путь, поражённые тем, что деревня до сих пор не спит. В конце концов дело дошло до того, что красный платок дедушки резко свалился с его лица. Какой порядочный пожилой джентльмен мог спать в таком шуме! Минхеер ван Глек с удивлением посмотрел на своих детей. У малыша даже появились признаки истерики. Самое время было заняться делами. Мадам предложила, чтобы, если они хотят увидеть доброго Святого Николая, они спели то же самое любовное песнопение, которым зазывали его годом ранее.

Когда Мейнхеер опустил Малыша на пол, тот вытаращил глазёнки и сунул кулачок в рот. Впрочем он тут же выпрямился и с милой ухмылкой оглядел собравшихся. В своих кружевах и вышиванках, в короне из голубых лент и китового уса (поскольку он ещё не вышел из возраста ползунков), он выглядел как истинный король младенцев. Остальные дети, каждый с красивой ивовой корзинкой в руках, сразу же образовали круг и медленно двинулись вокруг малыша, поднимая глаза, потому что святой, к которому они собирались обратиться, всё ещё пребывал в таинственных импиреях. Мадам начала тихо наигрывать на пианино. Вскоре зазвучали голоса – нежные, юношеские голоса, которые казались ещё слаще из-за эха, порхавшего по комнате:

Среди холода и вьюг
К нам идёт наш лучший друг!
Дух святой! Скорей приди!
Общий наш тебе привет!
Розги выброси в пути!
В каждом сердце радость, свет!
Среди холода и вьюг
К нам идёт наш лучший друг!
Если же на нас вина,
Худших выбрани полно!
Средь весёлых поздравлений
Ждём суровых наставлений!
Соберёмся в тесный круг!
К нам идёт наш лучший друг!
Добрый, ласковый и яркий,
Он несёт для всех подарки,
Видишь – входит он теперь
Наклонившись, в нашу дверь.
Слышал в двери громкий стук?
К нам идёт наш лучший друг!
Чудный, ласковый и яркий,
Тёмной ночью, белым днём
Детям всем несёт подарки,
Ну а мы ему споём!

Во время припева несколько взглядов, наполовину восторженных, наполовину испуганных, были брошены в сторону полированных раздвижных дверей.

И тут раздался громкий стук. Круг мгновенно распался. Некоторые малыши со странной смесью страха и восторга прижались к коленям матерей. Дедушка наклонился вперёд, подперев

рукой подбородок. Бабушка сняла очки. Минхеер ван Глек, сидевший у камина, медленно вынул изо рта пенковую трубку, а Хильда и другие дети в ожидании расположились рядом с ним. Стук раздался снова.

– Войдите! – тихо сказала мадам. Дверь медленно отворилась, и перед ними предстал святой Николай в полном боевом облачении. Можно было услышать, как упала булавка. Вскоре он заговорил. Какое таинственное величие было в его облике! Какая доброта звучала в перебивах его голоса!

– Карел ван Глек, я рад приветствовать тебя, и твою уважаемую фрау Кэтрин, и твоего сына, и его добрую фрау Энни!

– Дети, я приветствую вас всех! Хендрик, Хильда, Брум, Кэти, Гюйгенс и Лукреция! И ваших кузенов Вольферта, Дидриха, Майкен, Вооста и Катрину! В общем, с тех пор, как я в последний раз к вам обращался, вы стали хорошими детьми! Дидрих был груб на ярмарке в Харлеме прошлой осенью, но с тех пор он всеми силами пытался загладить свою вину и стать хорошим мальчиком. В последнее время Мэйкен плохо справлялась с уроками, и слишком много сладостей и безделушек попало к ней в рот, а в её коробку для пожертвований попало слишком мало стиверсов! Всё исправится! Я верю, что Дидрих в будущем будет вежливым и мужественным мальчиком, а Майкен постарается проявить себя как лучший студент! Пусть он также помнит, что экономия и бережливость необходимы для достойной и богатой жизни. Маленькая Кэти не раз жестоко обращалась с кошкой! Увы! Святой Николай слышит, как кошка плачет, когда её дергают за хвост! Я прощу её, если с этого часа она запомнит, что даже у самых маленьких бессловесных созданий есть чувства и ими нельзя злоупотреблять! Когда Кэти испуганно вскрикнула, святой милостиво хранил молчание, пока её не успокоили.

– Мастер Брум, – продолжил он, – я предупреждаю вас, что мальчики, которые имеют привычку насыпать нюхательный табак в подставку для ног школьной учительницы, могут однажды быть обнаружены и получают порку...

Мастер Брум покраснел и устался на него в великом изумлении.

– Но ты такой замечательный ученик, что я больше не буду тебя упрекать. Ты, Хендрик, прошлой весной отличился в состязании по стрельбе из лука и попал в яблочко, хотя перед мишенью размахивали птицей, чтобы сбить тебя с толку. Я отдаю должное твоим успехам в мужском спорте и физических упражнениях, хотя не должен чрезмерно одобрять твои лодочные гонки, поскольку они оставляют тебе мало времени для надлежащих успехов в учёбе. Сегодня Лукреция и Хильда будут спать спокойно! Проявление доброты к беднякам, преданность в их душах добру и радостное, сердечное подчинение семейным традициям принесут им счастье! Я верю, что все без исключения довольны. Доброта, трудолюбие, благожелательность и бережливость царят среди вас! Поэтому я дарю вам своё благословение, и пусть в новом году все будут следовать путями послушания, мудрости и любви! Завтра вы найдёте более весомые доказательства того, что я был среди вас! Прощайте!

После этих слов на льняную простыню, расстеленную перед дверьми, просыпался целый град сладких слив. Началась всеобщая суматоха. Дети буквально натыкались друг на друга в своем стремлении наполнить корзинки. Мадам осторожно прижимала ребёнка к себе, пока пухлые кулачки не наполнились сладостями. Тогда самые смелые из малышей вскочили и распахнули закрытые двери. Тщетно они пытались проникнуть в таинственную квартиру. Святого Николая нигде не было видно. Вскоре все бросились в другую комнату, где стоял стол, накрытый тончайшим и белейшим льняным штофом. Каждый ребёнок, охваченный волнением, положил на него туфельку. Затем дверь была тщательно заперта, а ключ спрятан в спальне матери. Затем последовали поцелуи на ночь, торжественная семейная процессия проследовала на верхний этаж, весёлые прощания у дверей спален закончились, и, наконец, в особняке Ван Глеков воцарилась тишина.

Рано утром следующего дня дверь была торжественно отперта и распахнута в присутствии собравшихся домочадцев, и тут – о чудо! перед нами предстало зрелище, доказывающее, что святой Николай был верен своему слову! Каждый башмак был наполнен до краёв, и рядом с каждым стояло множество разноцветных стопок. Стол был завален подарками – конфетами, игрушками, безделушками, книгами и другими прелестями. Подарки были у всех, от бабушки до малыша. Маленькая Кэти радостно хлопала в ладоши и мысленно клялась, что кошка больше никогда не будет знать горя. Хендрик прыгал по комнате, размахивая над головой великолепным луком и стрелами. Хильда смеялась от восторга, открывая тёмно-красную шкатулку и извлекая её сверкающее содержимое. Остальные хихикали и восклицали «О!» и «Ах!», глядя на свои сокровища, совсем как мы здесь, в Америке, на прошлое Рождество. Держа в руках сверкающее ожерелье и стопку книг, Хильда прокралась к родителям и подставила сияющее личико для поцелуя. В её ясных глазах было столько искренности и нежности, что мать, склонившись над ней, выдохнула благословение.

– Я в восторге от этой книги. Спасибо, отец! – сказала она, коснувшись подбородком верхней страницы. – Я буду читать её весь день напролёт!

– Да, дорогой, – сказал Мейнхеер, – лучше и не придумаешь! Никто не сравнится с Якубом Кэтсом. Если моя дочь выучит его «Моральные Принципы» наизусть, мы с матерью, возможно, промолчим и только всплеснём руками. Вам предстоит потрудиться на славу! «Принципы» – его лучший труд! Ты увидишь, сколько там редких гравюр Ван де Венна!

Учитывая, что корешок книги был отвёрнут от него, Минхеер, несомненно, проявил удивительное знакомство с нераскрытым томом, подаренным святым Николаем! Также было странно, что святой нашёл кое-какие вещицы, сделанные старшими детьми, и даже разложил их на столе, с записочками, подписанными именами родителей, бабушек и дедушек. Но все были слишком поглощены своим счастьем, чтобы заметить эти небольшие несообразности. Хильда заметила на лице отца восхищённое выражение, которое всегда появлялось у него, когда он рассказывал о Джейкобе Кэтсе, поэтому она положила на стол охапку своих книг и приготовилась слушать.

– Старина Кэтс, дитя моё, был великим поэтом, а не автором пьес, как англичанин Вильям Шекспир, живший в его время. Я читал их на немецком, и они очень хороши – очень, очень хороши, – но не такие, как у отца Кэтса. Кэтс не видит летающих в воздухе кинжалов; у него нет белых женщин, влюбляющихся в смуглых мавров; нет молодых глупцов, мечтающих стать дамской перчаткой; нет сумасшедших принцев, принимающих почтенных старых джентльменов за крыс, нет, ничего этого у него нет. Он пишет только со смыслом. Это великая мудрость в маленьких миниатюрах, миниатюрах на каждый день вашей жизни. С помощью стихов Кэтса можно управлять государством, а его милыми песенками можно усыпить маленького ребёнка. Он был одним из величайших людей Голландии. Когда я поеду с вами в Гаагу, я покажу вам Клоостеркерк, где он похоронен. Вам стоило бы поучиться у этого человека, сыновья мои! Он был хорошим человеком до мозга костей. Что он сказал? А вот что!

«О Господь, позволь мне получить от Тебя дар Жить с терпением и умирать с удовольствием! * {О, Хир! когда я узнал, что ван Увен был вервольфом, Левен встретил гедульта, а Вермаак встретил стервена.} «Терпение не значит сложить руки!» Нет, он был юристом, государственным деятелем, послом, фермером, философом, историком и поэтом. Наконец он был хранителем Большой печати Голландии! Он был великолепен! Здесь слишком шумно, я не могу разговаривать!.. И Мейнхеер, с большим удивлением посмотрев на свою пенковую пробку, которая потухла, кивнул своей жене и в большой спешке покинул квартиру. Дело в том, что его речь сопровождалась приглушенным гавканьем собак, писком кошек и блеянием ягнят, не говоря уже о шумном сверчке из слоновой кости, которого малыш крутил с бесконечным удовольствием. Наконец маленький Гюйгенс, воспользовавшись тем, что голос Минхеера становился всё громче, отважился сыграть на своей новой трубе, а Вольферт поспешно попытался

аккомпанировать ему на барабане. Это привело к кризису жанра, и для маленьких созданий это было ужас как весело! Святой не оставил им билета на лекцию о кошках Якоба. Это не было запланированной частью церемонии. Поэтому, когда дети увидели, что мать не выглядит ни испуганной, ни оскорблённой, они набрались храбрости и торжественный хор зазвучал бурно, и воцарились веселье и безудержная радость.

Добрый святой Николай! Ради молодых голландцев я, со своей стороны, готова признать его реальностью и защитить его доброе имя от всех неверующих. Карл Шуммель был очень занят в тот день, на ухо уверяя маленьких детей, что не святой Николай, а их собственные отцы и матери подготовили гадания и заполнили таблицы. Но мы-то знаем, что это не так. И всё же, если это был святой, почему он не посетил коттедж Бринкеров в ту ночь? Почему этот дом, такой тёмный и печальный, был обойден стороной?

Глава X

Что мальчикам выпало и чем занимались в Амстердаме?

– Мы все здесь? – радостно воскликнул Питер, когда рано утром следующего дня вся компания собралась на канале, готовясь к катанию на коньках.

– Дайте-ка подумать. Поскольку Джейкоб назначил меня капитаном, я должен объявить перекличку. Карл Шуммель, ты здесь?»

– Да!

– Джейкоб Пут!

– Здесь!!

– Бенджамин Доббс!

– А то нет?

– Ламберт ван Моунен!

– Тут!

– Как всё удачно сложилось! Эй! Я не смог бы обойтись без тебя, так как ты здесь единственный умник, который говорит по-английски. Людвиг ван Хольп!

– Yes!

– Воостенвальберт Шиммельпеннинк!

Нет ответа.

– Воостенвальберт Шиммельпеннинк! Объявись и доложи!

– А, этого маленького негодяя заперли дома! Итак, ребята, сейчас всего восемь часов, погода великолепная, и «Игрек» тверд, как скала. Через тридцать минут мы будем в Амстердаме. Раз, два, три!

– СТАРТ!

Действительно, менее чем за полчаса они пересекли плотину, сложенную из цельной каменной кладки и оказались в самом сердце великого мегаполиса Нидерландов – города-крепости, состоящей из девятиста пяти островов и почти двухсот мостов. Хотя Бен побывал там дважды с момента своего приезда в Голландию, он увидел много интересного, но его голландские товарищи, прожившие поблизости всю свою жизнь, считали это место самым обычным в мире. Бена интересовало всё: высокие готические дома с раздвоенными трубами и фронтонами, выходящими на улицу; складские помещения торговцев, расположенные высоко под крышами их жилищ, с длинными, похожими на стрелы кранами, поднимающими и опускающими товары прямо мимо окон домов; величественные общественные здания, возведённые на деревянных сваях, вбитых глубоко в болотистую почву; узкие улочки; каналы, пересекающие город повсюду; в разных направлениях, мосты, замки с флагами, разнообразные костюмы и, что самое странное, лавки и жилища, прилепившиеся вплотную к фасадам церквей, устремляющих свои длинные, непропорциональные колокольни высоко вверх над своими невесть когда освящёнными стенами.

Подняв глаза, он увидел высокие покосившиеся дома, которые, казалось, пронзали небо своими сверкающими крышами. Если бы он посмотрел вниз, то увидел бы странную улицу без тротуаров и бордюров – ничто не отделяло бы булыжную мостовую от кирпичной дорожки, – а если бы он опустил глаза на полпути, то перед ним были бы маленькие хитроумные зеркала (*spionnen*), прикреплённые снаружи почти к каждому окну, расположенные так, чтобы обитатели этого дома могли видеть всё, что угодно за пределами дома – так они могли наблюдать за всем, что происходит на улице, или следить за тем, кто стучит в дверь, оставаясь в тени. Иногда мимо него проезжала двуколка, нагруженная деревянной утварью; затем ослик

с парой корзин на спине, полных посудой или стеклом; затем сани, которые везли по голой мостовой (полозья постоянно смазывали промасленной тряпкой, чтобы они лучше скользили); а затем, возможно, эффектная, но неуклюжая семейная карета, запряженная самыми бурыми из фландрских лошадей, весело размахивающих белоснежными хвостами.

Город был в самом разгаре праздника. В честь святого Николая все магазины открыты и ярко освещены, и они были великолепны. Капитан Питер не раз был вынужден приказывать своим людям отойти от соблазнительных витрин, где было выставлено всё, что есть, было или может быть придумано в качестве игрушек. Игрушки! Голландия всегда славилась ими на весь мир. Здесь всё, что угодно копируется в миниатюрном размере для удобства самых маленьких граждан; замысловатые механические фигурки, с которыми голландский малыш беззаботно кувыркается, произвели бы настоящий фурор в любом нашем патентном бюро. Бен откровенно смеялся, глядя на кораблики, идеально имитирующие старые рыбацкие лодки. Они были такими тяжелыми и приземистыми, так походили на те странные суда, которые он видел в Роттердаме. Однако крошечный трекшуйтен, длиной всего в фут или два и полностью оснащенный, вызвал у него щемящую боль в сердце. Ему так хотелось немедленно купить такой же для своего младшего братца в Англии! У него не было лишних денег, потому что, проявляя истинно голландскую осмотрительность, компания согласилась взять с собой только сумму, необходимую на расходы каждого, и передала кошелёк Питеру на хранение. В результате мастер Бен решил посвятить все свои силы осмотру достопримечательностей и как можно реже вспоминать о маленьком Робби. Он поспешил в морское училище и обзавидовался там курсантам-морякам, у которых бриг был оборудован по последнему слову техники, а над сундуками или рундуками висели спальные места; он заглянул в еврейский квартал города, где обитали богатые ювелиры – огранщики алмазов и убогие старьевщики, и мудро решил держаться от них подальше. Он также наслаждался беглым осмотром четырех главных проспектов Амстердама – Принсенграхт, Кейзерсграхт, Херенграхт и Сингель. Эти проспекты изогнуты полукругом, а первые три в среднем имеют длину более двух миль. Через центр каждого из них прорублен канал, по обеим сторонам которого лежит хорошо вымощенная дорога, окруженная величественными зданиями. Ряды голых вязов, окаймляющих канал, отбрасывали сетчатую тень на его замёрзшую гладь, и всё здесь было такое чистое и яркое, что Бен сказал Ламберту, что город показался ему окаменевшей сказкой. К счастью, погода была достаточно холодной, чтобы остановить обычное затопление улиц и мытьё окон, иначе наши юные экскурсанты могли бы промокнуть не один раз. Подметать, мыть полы и скрести заборы – страсть голландских домохозяек, и пачкать их безупречно чистые особняки считается чуть ли не главным преступлением.

Повсюду чувствуется искреннее презрение к тем, кто пренебрегает натереть свою обувь до блеска, прежде чем переступить порог; а в некоторых местах от посетителей ожидают, что они снимут свою тяжёлую обувь перед входом. Сэр Уильям Темпл в своих мемуарах «Что происходило в христианском мире с 1672 по 1679 год» рассказывает историю о том, как напыщенный мировой судья отправился навестить даму из Амстердама. Дверь открыла дородная голландка и на одном дыхании сообщила ему, что хозяйка дома ждёт и что его ботинки не очень чистые. Не говоря больше ни слова, она подхватила изумленного мужчину обеими руками, перекинула его через спину, пронесла через две комнаты, поставила у подножия лестницы, схватила стоявшие там тапочки и надела их ему на ноги. Тогда, и только тогда, она заговорила, сказав ему, что его любовница находится этажом выше и что он может подняться вверх. Пока Бен катался со своими друзьями на коньках по переполненным каналам города, ему было трудно поверить, что сонные голландцы, которых он видел вокруг, неторопливо курящие трубки и выглядящие так, словно их шляпы можно сорвать с их голов так, что они и не заметят, способны на те вспышки гнева, которые он видел раньше. Это произошло в Голландии – что

они действительно были соотечественниками храбрых, преданных своему делу героев, о которых он читал в голландской истории.

Пока его компания неторопливо продвигалась по городу, он рассказал Ван Моунену о «погребальном» бунте, который произошел в 1696 году в этом самом городе, когда женщины и дети с кострюлями вышли на улицы, не говоря уж о мужчинах – главах семейств, и организовали повсему городу шутовские похоронные процессии, чтобы показать бургомистрам, что новые правила, касающиеся похорон – это просто издёвка над мёртвыми. Никто не смирился с новыми законами. В конце концов толпы стали настолько неуправляемыми и столь угрожали городу великим ущербом, что бургомистры сами поспешили отозвать свой мрачный закон.

– Вон на том углу, – сказал Джейкоб, указывая на несколькокозружных зданий, – пятнадцать лет назад стояли огромные кукурузные элеваторы которые в один прекрасный момент провалились в топь. Они были на диво крепкими и располагались на хороших фундаментах и сваях, но в них хранилось более семи миллионов фунтов зерна, а это было слишком много! Вотони и провалились в тартары! Бац – и всё!

Джейкоб так долго и нудно рассказывал эту историю, что скоро остановился передохнуть.

– Откуда ты знаешь, что в них было семь миллионов фунтов? – резко спросил Карл, – Ты тогда соску сосал и под себя ходил!

– Мой отец знает об этом все! – последовал многозначительный ответ Джейкоба, – он и не такое знает, – С усилием взяв себя в руки, он продолжил, – Бен любит живопись! Покажем ему что-нибудь?

– Хорошо! – сказал капитан.

– Если бы у нас было время, Бенджамин, – сказал Ламберт ван Моунен по-английски, – я бы отвёл тебя в мэрию или на стадион. Там есть строительные сваи для тебя! Вот там сваи, как сваи! Он построен почти на четырнадцати тысячах свай, вбитых на семьдесят футов в землю. Но что я хочу, чтобы вы увидели там, так это большую картинищу Ван Спейка, взрывающего свой корабль, – великолепную картину!

– Кто такой этот Ван? – спросил Бен.

– Ван Спейк! Разве ты не в курсе? Он отличился в самом разгаре сражения с бельгийцами, и когда понял, что они берут над ним верх и собираются захватить его корабль, он взорвал его и себя с ним вместе! Вместо того чтобы сдаться врагу! Крутой парень!

– Это был случайно не Ван Тромп?

– О, нет! Ван Тромп был другим храбрым парнем. Ему установлен памятник в Делфтсхейвене – на том месте, где пилигримы садились на корабль, отправлявшийся в Америку!

– Ну, а что насчет Ван Тромпа? Он был великим голландским адмиралом, не так ли?

– Да, он участвовал более чем в тридцати морских сражениях. Он разбил испанский флот и английский, а затем прикрепил к своей мачте метлу, чтобы показать, что он вымел англичан с моря. Он победил голландцев, мой мальчик! Во как!

– Стойте! – закричал Бен, – Метла или не метла, но англичане в конце концов победили его. Теперь я всё вспомнил. Он был убит где-то на голландском побережье в бою, в котором английский флот одержал победу. Очень жаль, – добавил он ехидно, – не так ли?

– Гм! Где мы? – воскликнул Ламберт, меняя тему, – Привет! Остальные намного опередили нас – все, кроме Джейкоба. Фу! Какой он толстый! Он сломается еще до того, как мы пройдем половину дистанции.

Бену, конечно, нравилось кататься на коньках рядом с Ламбертом, который, будучи убеждённым голландцем, получил образование недалеко от Лондона и говорил по-английски так же бегло, как по-голландски, но он не огорчился, когда капитан ван Хольп крикнул:

– Снимите коньки! А вот и музей!

Музей был открыт, и в тот день плата за вход не взималась. Они вошли, шаркая ногами, как это делают мальчишки, когда у них появляется такая возможность, просто чтобы услышать

стук своих ботинок по натёртому воском полу. Этот музей на самом деле был картинной галереей, где можно увидеть лучшие работы голландских мастеров, а также около двухсот коллекций редких гравюр. Бен сразу заметил, что некоторые картины были развешаны на панелях, прикрепленных к стене с помощью петель. Их можно было откидывать вперёд, как оконные ставни, что позволяло увидеть изображение при наилучшем освещении. Этот план сослужил им хорошую службу при просмотре небольшой картины Джерарда Доу под названием «Вечерняя школа», позволив им понаблюдать за ее изысканной композицией и отделкой и за тем, как чудесно картина, казалось, освещалась через собственные окна. Питер указал им на красоту другой картины Доу, которая называется «Отшельник», а также рассказал несколько интересных историй о художнике, родившемся в Лейдене в 1613 году.

«Три дня писать ручку от швабры! – изумлённо открыл рот Карл, в то время как капитан приводил примеры крайней тщательности Доу в выполнении задания.

– Да, сэр, три дня. И говорят, что он потратил пять дней на то, чтобы закончить одну руку в женском портрете. Вы видите, как всё ярко и детально выписано на этой картине! Его незаконченные работы были тщательно прикрыты, а материалы для писания картин убирались в герметичные коробки, как только он заканчивал дневную работу. Судя по всему, в самой студии было тесно, как в картонной коробке. Художник всегда входил в мастерскую на цыпочках, не говоря уже о том, что долго сидел неподвижно, сосредотачиваясь, прежде чем приступить к работе, пока не осядет лёгкая пыль, вызванная его появлением. Я где-то читал, что его картины становятся лучше, если рассматривать их через увеличительное стекло. Он так сильно напрягал зрение при финальной отделке, что был вынужден носить очки еще до того, как ему исполнилось тридцать. В сорок лет он едва мог видеть, что затрудняло ему работу, и нигде не мог найти очков, которые помогли бы ему сохранить зрение. Наконец, бедная пожилая немка попросила его надеть свои. Они ему очень подошли и позволили продолжать рисовать так же хорошо, как и прежде...

– Хм! – возмущенно воскликнул Людвиг, – Это было круто! Интересно, что ОНА делала без очков?

– О, – сказал Питер, смеясь, – вероятно, у неё были другие. Во всяком случае, она настояла, чтобы он их взял. Он был так благодарен, что нарисовал для неё очки вместе с футляром и всем остальным, и она продала их бургомистру за ежегодное пособие, которое обеспечило ее до конца ее дней!

– Ребята! – громким шёпотом позвал Ламберт, – Идите сюда, посмотрите на «Медвежью охоту»!

Это была прекрасная картина Поля Поттера, голландского художника семнадцатого века, который создавал превосходные образы еще до того, как ему исполнилось шестнадцать лет. Мальчики восхищались ею, потому что сюжет им очень понравился. Они беззаботно проходили мимо шедевров Рембрандта и Ван дер Хелста и приходили в восторг от уродливой картины Ван дер Венне, изображающей морскую битву между голландцами и англичанами. Они также зачарованно стояли перед картиной, изображавшей двух маленьких сорванцов, один из которых ел суп, а другой – кусал яйцо. Главным достоинством этой работы было то, что юный любитель яиц любезно обслуживал себе лицо желтком, чтобы развлечь их. Затем их внимание привлекло великолепная, живая картина «Праздник святого Николая».

– Посмотри, Ван Моунен! – сказал Бен Ламберту, – Что может быть лучше, чем выражение лица этого юнца? У него такой вид, словно он знает, что заслуживает порки, но надеется, что святой Николай его не раскусил и пройдёт мимо! Вот такие картины мне нравятся, они всегда подробно и понятно рассказывают историю!

– Пошли, ребята! – крикнул капитан, – Десять часов, пора отправляться!

Они поспешили к каналу.

– Надевай коньки! Ты готов? Раз, два, три – и привет! Где Пут?

Конечно же, где БЫЛ Пут? Всего в десяти ярдах от нас во льду было только что проделано квадратное отверстие. Питер заметил это и, не говоря ни слова, быстро подкатился к отверстию. Все остальные, конечно, последовали за ним. Питер заглянул внутрь. Они все заглянули внутрь, а затем встревоженно переглянулись.

– Пут! – закричал Питер, снова заглядывая в дыру. Все было тихо. Черная вода не подавала никаких признаков жизни, она уже покрылась льдом. Ван Моунен с таинственным видом повернулся к Бену.»

– РАЗВЕ У НЕГО ОДНАЖДЫ НЕ БЫЛО ПРИСТУПА?

– Боже мой! Да! – ответил Бен в сильном испуге. – Тогда, можете не сомневаться, он был очарован одной из картин в музее!

Мальчики поняли, что он имел в виду. Все коньки были сброшены в мгновение ока. У Питера хватило присутствия духа зачерпнуть полную кружку воды из проруби, и они бросились на помощь. Увы! Они действительно застали бедного Джейкоба в припадке, но на сей раз это был приступ сонливости. Он лежал в нише галереи и храпел, как солдат! Взрыв смеха, последовавший за этим открытием, привлек внимание разгневанного чиновника.

– Что теперь? Прекрати этот шум! Эй, ты, пивная бочка, проснись!

И мастер Якоб получил весьма бесцеремонную встряску. Как только Питер увидел, что состояние Якоба несерьёзно, он поспешил на улицу, чтобы опустошить свою злополучную кепку. Пока он засовывал в шляпу носовой платок, чтобы и без того замерзшая корона не прилипала к голове, прискакивали остальные мальчики, волоча за собой растерянного и возмущенного Джейкоба. Снова был отдан приказ начинать. Мастер Пут, наконец, пришёл в себя. Лёд был немного неровным и ломался но все ребята были в приподнятом настроении.

– Мы пойдём дальше по каналу или по реке? – спросил Питер.

– О, конечно, по реке! – сказал Карл, – Это будет так весело; говорят, что там можно кататься всю дорогу, но мне кажется гораздо дальше!

Джейкоб Пут мгновенно заинтересовался.

– Я голосую за канал! – воскликнул он.

– Что ж, пусть будет канал, – ответил капитан, – если все согласны!

– Согласны! – разочарованно отозвались они, и капитан Питер пошёл первым.

– Ладно, пошли. Мы можем добраться до Харлема за час!

Глава XI

Большие мании и маленькие странности

Мчась на полной скорости, они слышали, как их догоняют вагоны из Амстердама.

– Ура! – воскликнул Людвиг, взглянув на железнодорожные пути, – Кто не сможет обогнать локомотив? Давайте устроим гонку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.